

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

ВЫБОР-ПОБЕГ

Двойник Светлейшего

Андрей Бондаренко

Выбор-побег

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Выбор-побег / А. Бондаренко — «Автор», 2010 — (Двойник Светлейшего)

В жизни каждого человека бывают-случаются периоды, когда он должен сделать судьбоносный выбор. Выбор между богатством и чистой совестью, между таким понятиями, как «престижная успешность» и «душевный комфорт». Короче говоря, между жизнью по сценарию, написанному всякими и разными умниками, и свободой. Причём же здесь – побег? Иногда – от ложных ценностей – приходится улепётывать со всех ног, отчаянно отстреливаясь на бегу и разбрасывая – во все стороны – гранаты. Книга примыкает к циклу «Двойник Светлейшего» и является хронологическим продолжением романа «Славянское реалити-шоу».

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	5
Пролог[1]	6
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвёртая	32
Глава пятая	40
Глава шестая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Бондаренко

Выбор-побег

От автора

В жизни каждого человека бывают-случаются периоды, когда он должен сделать судьбоносный выбор. Выбор между богатством и чистой совестью, между таким понятиями, как «престижная успешность» и «душевный комфорт».

Короче говоря, между жизнью по сценарию, написанному всякими и разными умниками, и свободой.

Кто-то делает такой выбор единожды – в ранней юности, сразу и навсегда. А у кого-то на это уходят долгие годы постоянных метаний и терзаний. Чужая Игра – штука коварная...

Причём же здесь – побег? Иногда – от ложных ценностей – приходится улепётывать со всех ног, отчаянно отстреливаясь на бегу и разбрасывая – во все стороны – гранаты.

Более того, иногда побег может затянуться во Времени.

Да, именно так, во Времени – с большой буквы...

Автор.

Пролог¹

Егор окончательно проснулся, но ещё минут пять-шесть полежал с закрытыми глазами, вспоминая все мельчайшие детали этого необычайно-яркого и реалистичного сна.

«Да, было бы совсем неплохо, окажись этот сон вещим!», – раздумчиво высказался внутренний голос. – «А, что такого? Поостранствовать с цыганским табором по Западной Европе – самое милое дело! Интересно, познавательно, любопытно, круто... Только, вот, полный облом, братец! Совсем ничего не получится! Как это – почему? Ты разве ничего не слышишь? Подозрительного там, необычного?».

Он прислушался. Действительно, шум, долетавший снаружи – из-за разохшейся оконной рамы – был, по меньшей мере, странным. Гул мощных автомобильных моторов, гудки клаксонов, восторженные людские голоса, говорящие и гомонящие на самых разных языках, громкие хлопки, очень напоминающие звуки, сопровождающие процесс вылета пробок из бутылок с шампанским.

Егор резко сел, опустил босые ноги на холодный пол и огляделся. Саньки и Платона в хижине не было. Он подошёл к окну, отбросил в сторону ситцевую занавеску и застыл – с широко открытым ртом...

Было уже далеко за полдень. Его Санька – с неимоверно-шикарной причёской и непривычно-ярким макияжем, разодетая – как...

«Как классическая голливудская звезда!», – вежливо подсказал внутренний голос.

Итак, его Сашенция, разодетая как классическая голливудская звезда, весело и непринуждённо общалась с весьма импозантным и симпатичным мужичком, физиономия которого была Егору определённо знакома...

«Да, это же он, Квентин Тарантино, знаменитый режиссер и продюсер!», – восторженно объявил внутренний голос, памятливым на лица.

Вообще-то, Егор предчувствовал, что у этой странной и невероятной истории есть двойное (или – тройное?) дно, но то, что он увидел из окна цыганской хибары, превосходило все – даже самые смелые – предположения.

Во-первых, наземное пространство, подвластное его взору, было плотно заставлено всевозможным дорогуцкими иномарками – бентли, кадиллаками, порше, мерседесами...

Во-вторых, около этих шикарных автомобилей стайками прогуливались весьма известные и публичные личности. Кроме Тарантино Егор заметил и опознал: Перес Хилтон, Стинга, Тома Круза, Анжелину Джоли, Никиту Михалкова, Сергея Шойгу, Ксению Собчак, Владимира Жириновского... Между знаменитостями суетились матёрые солидные журналисты и молоденькие симпатичные журналистки, тут и там сверкали вспышки профессиональных фотоаппаратов.

И, в-третьих... Немного в стороне, отдельной группкой, стояли люди (тоже одетые богато и броско), которых он уже давно считал мёртвыми.

Внутренний голос ошарашено и нудно перечислял: – «Васька Быстров, Наташка и Петька Нестеренко, Стёпа-жирный и Стёпа-худой, неизвестный гранатомётчик, новгородские отморозки, Емеля Пугачёв, старый цыган Платон – в новеньком смокинге, с котом Аркашей на плече...».

Рядом с «ожившими мертвецами» о чём-то оживлённо и сердечно переговаривались Андрей Андреевич Петров и слабоумный Савелий. Убогий был до синевы выбрит и разодет круче любого английского денди, а у его ног сидели, вывалив на сторону длинные языки, два красных южноамериканских койота.

¹ – Он же – Эпилог романа «Славянское реалити-шоу».

Неожиданно раздался громкий и радостный визг – это из широко распахнувшейся дверцы очередного лимузина появилась Галка Быстрова-Пугачёва, наряженная по последней парижской моде, и без промедлений бросилась на шею Емельяну. Засверкали новые блики фотоаппаратов, снова зазвучал салют – из открываемых бутылок шампанского.

– Ладно, пора немного прогуляться! – решил Егор. – Совсем немного прогуляться, и очень даже много – разобраться кое с кем...

Его взгляд случайно упал на входную дверь. На толстом гвозде, вбитом в верхнюю горизонтальную доску косяка, висел – естественно, на специальных «плечиках» – шикарный чёрный костюм-тройка. Имелась в наличии и белая рубашка, и тёмно-синяя – в белый горох – бабочка. Из нагрудного кармана пиджака торчал светло-зелёный бумажный лист.

Егор, растерянно ухмыльнувшись, вытащил бумагу из кармана, медленно развернул и прочёл вслух:

– Любимый, я потом всё объясню! Надень этот костюм и веди себя непринуждённо! Наши дела идут просто отлично и замечательно! Верь мне, милый! Твоя беспутная Сашенция...

Он, тяжело вздохнув, опустился обратно на кровать, спиной прислонился к неровной стене халупы, оклеенной старенькими обоями «в цветочек», и нервно прикрыл глаза.

«Что же это такое, а? В очередной раз нас использовали втёмную?», – печальной чередой потекли жёлто-серые мысли. – «Кто-то сыграл свою красивую Игру и, безусловно, выиграл... Кто – конкретно? Так ли это важно? Только, вот, Санька... Какова её роль в состоявшемся спектакле? Это, в первую очередь, и надо выяснить!».

Сперва Егор решил, что не будет надевать предложенный шикарный костюм. Из принципа, из природной вредности, в знак протеста, наконец... Но потом представил, как будет смотреться в старой и потрёпанной славянской одежде – на фоне того шикарного роскошества, что наблюдалось за окном. Быть откровенным клоуном как-то не хотелось... Поэтому он ограничился только тем, что зашвырнул под кровать серебристую жилетку и сине-белую бабочку, а также расстегнул две верхние пуговицы на вороте белоснежной рубашки.

Приоткрыв дверь, Егор выбрался на низкое крылечко хижины. Его появление не осталось незамеченным. Засверкали новые вспышки фотоаппаратов, сразу – невесть откуда – перед глазами возникло несколько чёрных пупырчатых микрофонов, зазвучали назойливые вопросы, задаваемые на русском и английском языках:

– Как ваше драгоценное самочувствие? Знаете ли вы, что номинированы на «Оскара»? Где собираетесь отдохнуть после завершения съёмок? Правда ли, что ваша семья приобрела в Лондоне – за два с половиной миллиона Евро – шикарный особняк?

Надев на физиономию маску надменного мачо, он потихоньку пробирался поближе к Саньке, презрительно цедя сквозь закусенную нижнюю губу невразумительные ответы:

– Все О-кей, дамы и господа! Самочувствие просто отменное! Об отдыхе ещё думать рано! Отдохнём – уже на том свете! Лондон? Не люблю его, дождей слишком много...

Но ещё целый час никак не получалось – вдумчиво и спокойно пообщаться с собственной женой. Надо было восторженно обниматься с Пугачём и Галиной, с Савелием и его койотами, с шеро-бароно и котом Аркашей, с Андреем Андреевичем и воскресшей четой Нестеренко, с неизвестным гранатомётчиком и новгородскими братками... С Тарантино пришлось немного поболтать о тенденциях развития мировой киноиндустрии, а также вежливо выслушать десятиминутные восторги Владимира Вольфовича...

Наконец, Сашенция, устав чувствовать на себе испепеляющие супружеские взгляды, о чём-то пошептала с Тарантино и чуть заметно кивнула головой в сторону.

Они прошли сквозь цепочку дюжих охранников, за которой, очевидно, находилась техническая зона – стояли припаркованные в ряд странные автомобили с круглыми «тарелками» и антеннами-прутиками на крышах, фургоны непонятного назначения и передвижные дизельные электростанции.

Санька уверенно поднялась по откидным ступеням и постучалась в узенькую дверь трейлера:

– Это я, Иришка, открывай!

Через несколько секунд из-за приоткрывшейся двери высунулась лукавая девчоночья мордашка.

– Папка! Папка! Папка! – на всю округу зазвенел радостный и звонкий голосок.

«Это Александра всё специально подстроила!», – подумал Егор, нежно обнимая хрупкие плечи дочери. – «Чтобы я слегка размяк и немного разнюнился – перед серьёзным разговором...».

Только через пятнадцать минут, наговорив отцу целую кучу непонятных комплиментов, Иришка отправилась на прогулку, уверенно толкая перед собой коляску, в которой сидел мирно дремлющий Платон, облачённый в яркий детский комбинезончик.

– Смотри, доченька, далеко не отходи от машины! – давала строгие материнские наставления Сашенция. – И через полчаса, пожалуйста, возвращайтесь. Мы уже скоро поедem домой...

Вот, оно и настало – время долгожданных откровений. Они, хмуро глядя в разные стороны, сидели друг напротив друга за откидным столиком трейлера.

– Александра! – строго позвал Егор. – Посмотри-ка мне в глаза! Вот, молодец... А теперь рассказывай! Всё и до самого конца! В чём тут суть?

– Суть в том, что я – актриса! Всегда хотела стать великой и непревзойдённой актрисой, а ещё – известным сценаристом и знаменитым режиссером... Вот, в этом и заключена – суть.

– Прекрасно, – он понятиливо покивал головой. – А теперь, пожалуйста, поподробней...

Санька, широко и победно улыбнувшись, сообщила:

– Захотела – и стала! Первым делом, я придумала совершенно новый жанр – гибрид художественного фильма и реалити-шоу.

– То есть?

– Это когда первая часть участников реалити-шоу – профессиональные актёры, действующие, изредка импровизируя, в строгом соответствии со сценарием. А вторая часть – обыкновенные люди, которые, э-э...

– Являются подопытными кроликами, бесправными статистами и используются втёмную, – понятиливо подсказал Егор.

– А не надо контракты, не читая, подписывать! – разозлилась Сашенция. – Там всё было прописано очень чётко и подробно. Права, обязанности, возможность родов в экстремальных условиях, прочее... Статистов же, как ты выразился, было ровно пять: Егор Леонов, Генка и Юлька Федонины, Вера и Симон Поповы-Брауны. Отбирали вас по целому комплексу признаков. Но главным было то, что вы, безусловно, ребята фотогеничные, сексуальные, симпатичные и непосредственные... Все же остальные участники нашего реалити-шоу – чёткие профессионалы, отлично знающие личный манёвр. Причём, Пугачёв и Галина, они – и в обычной жизни – являются мужем и женой. А с Федонинными и Петровыми-Браунами сейчас работают психологи, готовя их к международной славе и серьёзным деньгам... Может, будешь задавать конкретные вопросы?

– Излучение и ранние роды. Это – законно?

Санька звонко и беззаботно рассмеялась:

– А не было ничего! Ни излучения, ни ранних родов! Понимаешь? Ничего не было! Просто в экстремальных условиях роды всегда происходят чуть раньше – на неделю другую. Опытному же доктору ничего не стоит и ещё две-три недели «подправить»...

– Не было излучения? Почему же тогда все «славянские» дети родились такими здоровыми и крепкими? Весом по пять килограмм?

– Молодые, любящие друг друга родители, прекрасная экология, здоровый образ жизни, регулярный физический труд, витамины.... Не более того. Давай, продолжай!

Егор задумчиво почесал в затылке:

– Я же сам хоронил старого цыгана Платона, неизвестного узкоглазого гранатомётчика, новгородцев...

– Мы использовали такие хитрые таблетки – глотаешь одну и тут же становишься натуральным «трупом»: пульса нет, дыхание не ощущается, можно под землёй – в «захороненном» виде – проводить до двух с половиной часов без малейшего вреда для здоровья.... Если ты не заметил, то никто из «статистов», тебя включая, за всё время проведения нашего реалити-шоу так и «не убил» ни одного человека. И, вообще, вплоть до сегодняшнего дня в этом Проекте умерших людей (по-настоящему умерших!) не было. Так что, хитрая химия, плюсом – высочайший профессионализм и элементарная ловкость рук...

– Стоп, стоп! А помнишь, мы с тобой разрыли холмик, где были захоронены люди из ватаги Пугачёва, убитые новгородцами? Та нога принадлежала настоящему, уже «старому» трупу, я в этом разбираюсь...

– Повторяю, высокий профессионализм! – высокомерно пожала плечами Сашенция, разодетая – как классическая голливудская звезда. – Заранее из местного морга – по особой договорённости – привезли несколько трупов безымянных бомжей, закопали на время.... Сам же меня учил, что в серьёзных делах не бывает мелочей!

– А «грибы», торнадо, весеннее наводнение, наконец? – продолжал недоумевать Егор.

– Обычные спецэффекты! Ну, не совсем обычные.... Вот, взять тот же торнадо. Если ты помнишь, то мы – ещё до его начала – спрятались по погребам. Поэтому и не видели – что (или кто?), разрушило деревню.

– Специальная команда профи?

– Конечно! Порушили всё в полный хлам и скрылись.... С наводнением же было гораздо сложнее и, главное, дороже.... Пришлось – из специального сборного пластика – возвести за одну ночь круглую плотину диаметром в пять километров, заполнить это сооружение водой, по бортам установить отражатели, чтобы «океан» казался бескрайним.... Как затопили пещеру? Да, обычными мощными насосами!

– Съёмки велись только с воздуха?

– Нет, что ты! Крохотные камеры были практически везде – и на всех горизонтах пещеры, и в лесу, и даже в банях.

– Блин! – то ли разгневанно, то ли восхищённо, высказался Егор и тут же подозрительно напрягся: – А причём здесь – красавчик Тарантино?

– Ничего личного, любимый! – горячо заверила Санька, прижимая руки к высокой груди, плохо скрытой весьма откровенным декольте. – Мои, ведь, только идея и сценарий, а он деньги пробивал, трансляцию организовывал – на весь мир.

– Ты хочешь сказать...

– Вот, именно! Нашей сверхзадачей являлось – перебить этот хваленый американский сериал «Остаться в живых». Первый сезон уже прошёл, мы – по всем рейтингам – победили! Представляешь? А отснятого материала хватит ещё на четыре сезона! Вот, так.... Теперь надо будет заниматься монтажом, качественным звуком, раскруткой. Потом переводом в широкоэкранный формат. Так что, дел намечается – выше крыши!

– Сань, а как же дети? Всё это было ужасно рискованно! Мало ли случайностей бывает...

Жена перестала улыбаться:

– Да, это было тяжело.... Но, ведь, страховались, как могли? Лодку тогда доставили на подземную реку. Ты же ещё был, настоящий супермен! Половина женского населения нашей планеты с ума сходит от твоих подвигов.... Так что, смотри у меня! Ежели что, то зарезу сразу

и всерьёз... Кстати, помнишь, тогда, в Янтарной Комнате (естественно, обычная бутафория!), ты сказал, что будешь любить меня вечно и никогда не подашь на развод?

– Помню, конечно...

– Я требую незамедлительных и веских доказательств! Незамедлительных! Дети вернутся с прогулки только через пятнадцать минут, у нас ещё целая куча времени. Мы – успеем! Только пить очень хочется... Давай-ка – для начала – глотнём сухого винишка? Доставай из холодильника бутылку с Токайским. Вон он, в углу, маленький такой... Ага, на боковой полочке, молодец...

Егор ловко откупорил бутылку, разлил вино по простеньким бокалам, обнаруженным в кухонном шкафчике, один передал жене.

– Ну, за нашу неземную любовь! – пафосно провозгласила Сашенция.

Они, глядя друг на друга с тихой нежностью, чокнулись. Вино оказалось очень терпким и ароматным. Сделав несколько глотков, Егор понял, что засыпает...

Он проснулся – от противной и нудной головной боли – всё в той же непрезентабельной цыганской хижине – стены, оклеенные обоями «в цветочек», самодельный стол, одинокий колченогий стул.

Егор сел на кровати, опустил босые ноги на холодной деревянный пол, протёр глаза, огляделся по сторонам. Саньки и Платона в хижине не было. Он подошёл к окну, резко отбросил в сторону грязноватую ситцевую занавеску и застыл – с широко открытым ртом...

Все каддилаки, бентли, порше, БМВ и мерседесы куда-то бесследно исчезли. Вместе с Квентином Тарантино, Томом Крузом, Ксенией Собчак и всеми прочими Жириновскими... За давно нематыми стёклами опять был только заброшенный цыганский хутор – три-четыре десятка живописных лачуг, между которыми виднелись тёмно-бежевые бока цыганских киби-ток. Чуть в стороне худые разномастные лошадки лениво пощипывали пожухлую траву.

Возле старенького колодца-журавля Петря и Тадэуш увлечённо беседовали о чём-то с высоким плечистым мужчиной, на голове которого красовалась неряшливая серо-бурая чалма. Галка Быстрова доверчиво прижималась к плечу незнакомца, а на его другом плече спокойно восседал упитанный чёрно-белый кот.

«Это же Пугач нашёлся!», – радостно объявил окончательного-проснувшийся внутренний голос. – «Выжил, всё-таки, морда уголовная! Молодец! И кота Аркашу где-то отыскал... Что же, нашего полку прибыло! Теперь оно будет веселее и...».

– Стоп, стоп! – сердито возразил голосу Егор. – Я уже совсем перестал понимать что-либо... Где – сон, где – явь? Совсем запутался, чёрт побери! Так что, сейчас я поступлю следующим образом. Снова завалюсь спать! Да-да, просто лягу спать... А когда проснусь, то ещё раз внимательно оглянусь по сторонам. Вдруг, интерьер опять – самым кардинальным образом – изменится? Вот, тогда уже и определюсь, что да как. Санька, опять же, подскажет... Ерунда, в любом случае – прорвёмся!

Глава первая

Хижина на мысе Наварин

Хижина была очень старенькой, но ещё крепкой, а главное, тёплой. Это в том смысле, что зимовать в ней было достаточно комфортно и уютно. Для привычного и опытного человека, понятное дело, комфортно. А Егор, как раз, таковым и являлся – тёртым и виды видавшим чукотским охотником. По крайней мере, он сам себя ощущал – таковым. То есть, был железобетонно уверен в этом...

Ещё несколько слов про старую хижину, вернее, про охотничью землянку-каменку. Когда-то – лет так пятьдесят-шестьдесят назад – кто-то глазастый и шустрый высмотрел в местных гранитных скалах аккуратную прямоугольную нишу подходящих размеров – девять метров на четыре с половиной. Высмотрел, и решил приспособить под надёжное и долговечное жильё. Тщательно укрепил в земле, то есть, в вечной заполярной мерзлоте несколько толстых сосновых брёвен, принесённых к берегу морскими южными течениями, обшил брёвна – с двух сторон – крепкими досками, а пространство между ними засыпал мелким гравием и песком – вперемешку с обрывками сухого ягеля. Получилась четвёртая стена хижины. Три, понятное дело, остались каменными. Естественно, что в этой четвёртой стене имелась надёжная и приземистая (тоже засыпная), дверь, а также крохотное квадратное окно. Односкатная же крыша строения была сооружена самым простейшим образом-методом. На аккуратно уложенные жерди и доски были настелены толстые моржовые шкуры, поверх которых разместился полуметровый слой мха. Крыша – с течением времени – густо заросла карликовой берёзой, ивой и высокими кустиками голубики. Ещё землянка была оснащена отличной печью, сложенной из дикого камня. Именно эта печка и позволяла успешно выживать – в сорокоградусные суровые морозы...

Почему было не построить обычную бревенчатую избу? Потому, что вокруг – на многие сотни и сотни километров – простиралась дикая чукотская тундра и дельную (относительно – дельную), древесину можно было отыскать только на морском берегу мыса, который назывался – Наварин. Конечно же, мыс Наварин – это юго-восток Чукотки, и климат здесь помягче, чем на севере, да и до Камчатки уже рукой подать. Следовательно, вдоль ручьёв и лесок – какой-никакой – встречался. Но, так, совсем ерундовый и не серьёзный. Берёзки-осинки высотой по грудь среднестатистическому взрослому человеку (надо думать, только наполовину карликовые), тоненькие сосёнки-ёлочки, да и куруманика было – сколько хочешь. Куруманика – это такой густой кустарник высотой до полутора метров: ракета, ива, ольха, вереск, багульник.... Короче говоря, с серьёзной древесиной на мысе Наварин было туго и настоящую бревенчатую избу строить было практически не из чего...

Егор любил свою хижину-землянку. Она служила ему и спальней, и столовой и многопрофильным складом. Широкая печка условно разделяла помещение на два отделения – жилое и хозяйственное. В жилом отделении – меньшим по площади – он готовил пищу, умывался, ел, стирал нижнее бельё и спал. В хозяйственном – обрабатывал шкурки добытых песцов, ченобурок, медведей и полярных волков, засаливал пойманную рыбу, очищал от грязи и вековой плесени длинные бивни мамонтов, найденные в юго-западных распадках. Здесь же хранились продовольственные и прочие припасы, необходимые в повседневной жизни чукотского охотника-промысловика: патроны, ружейное масло, широкие лыжи, керосин, дубильные вещества, звериные капканы, рыболовные снасти, нитки-иголки, ножницы для стрижки волос и бороды, прочее – по мелочам. Включая стандартную аптечку и зубные пасты-щётки.

На задней стене избушки, рядом с печью, красовалась странная надпись, выполненная белой краской: – «Шестьдесят три градуса двадцать семь минут северной широты, сто семьдесят четыре градуса двенадцать минут восточной долготы».

Кем была построена эта хижина-землянка? Когда? Егор этого не знал, да и, честно говоря, не хотел знать. А, собственно, зачем? Что это могло изменить? Ровным счётом – ничего...

Он, вообще, знал – чётко и однозначно – только одно. Мол, его зовут Егором, и он является – на протяжении последних четырёх лет – охотником-промысловиком, работающим на Ивана Ивановича Николаева – мелкого бизнесмена из чукотского городка Анадыря. Что было до этого? Где он родился? Кем были родители и как их звали? Сколько ему лет? Как провёл детство-отрочество-юность? Имеются ли родственники и друзья? Какая – в конце концов – у него фамилия?

Все эти важные вопросы оставались без ответа. Память, впав в ленивую спячку, упорно молчала... От прошлой, прочно позабытой жизни у Егора осталась только одна единственная безделушка – крохотная фигурка белого медвежонка, искусно вырезанная из светло-сиреневого халцедона². Медвежонок лукаво и доверчиво улыбался и являлся единственным собеседником-слушателем-приятелем. Именно с ним Егор – чтобы окончательно не утратить навыки человеческой речи – и беседовал долгими вечерами. Вернее, медвежонок загадочно молчал, а Егор рассказывал ему о событиях прошедшего дня. О добытых пушных зверьках, о происках хитрых бурых медведей и коварных росомах, о рыболовных удачах и погодных реалиях. Другие вопросы-темы Егора совершенно не интересовали...

Хижина располагалась на узкой каменной террасе, поросшей разноцветными лишайниками и редкими кустиками голубики. Наверх поднимался пологий косогор, усыпанный разноразмерными валунами и булыжниками. Внизу – метрах в трёх-четырёх – ненавязчиво шумел ручей, носящий поэтическое название «Жаркий», не замерзающий даже в самые лютые морозы. Ручеёк – через семьдесят-восемьдесят метров от землянки – впадал в Берингово море.

То есть, месторасположение жилища было выбрано со смыслом. Во-первых, всегда под рукой была пресная вода. Во-вторых, косогор защищал хижину от противных северных и северо-восточных ветров. В-третьих, прекрасно (даже из окошка землянки), просматривалась уютная морская бухточка.

Два раза в год – в конце мая и в начале октября – в бухту заходил маленький пароходик «Проныра», принадлежавший Ивану Николаеву. Пароходик бросал якорь – по причине мелководья – примерно в ста пятидесяти метрах от берега, и с его борта спускали шлюпку, на которой Егору – молчаливые и хмурые матросы – доставляли продовольствие и прочие, заранее заказанные им припасы, а также бумажный листок с новым план-заданием от неведомого ему господина Николаева. И, соответственно, забирали меховые шкурки, рыбу (вяленую и копчёную), бивни мамонтов и список с материально-продовольственными пожеланиями на следующий визит. Книжки, газеты и прочие интеллектуальные штучки в этих списках никогда не фигурировали...

Эти обменные операции всегда проходили в полном молчании. Матросам, очевидно, было строго-настроено запрещено – вступать в какие-либо разговоры со странным охотником, а Егор не испытывал ни малейшей потребности в людском общении. О чём, спрашивается, было разговаривать? Об охоте, рыбалке и о вчерашней погоде? Для обсуждения этих тем ему хватало и крохотного белого медвежонка, искусно вырезанного из светло-сиреневого халцедона...

Зимой, конечно же, приходилось нелегко. Метели, вьюги и пороши дули-завывали неделя за неделей. Из хижины было не выйти, звериные капканы и петли оставались непроверенными. От вынужденного безделья иногда наваливалась лютая безысходная тоска, хотелось выть в

² – Халцедон – минерал, разновидность кварца.

голос и кататься по полу, круша – от бессильной злобы – всё и вся... После вспышек внезапной и ничем немотивированной ярости приходили странные и тревожные сны, наполненные призрачными картинками из прошлой – как казалось – жизни. В этих снах умиротворённо и задумчиво шумели густые сосновые и лиственные леса, беззаботно щебетали незнакомые шустрые птички, элегантные корабли – под всеми парусами – неслись куда-то по лазурным волнам, вспенивая по бокам белые буруны... А ещё в каждом таком сне присутствовала женщина – очень красивая, стройная, улыбчивая, голубоглазая, со светло-рыжими веснушками на милом лице. Только, вот, длинные и шелковистые волосы неизвестной женщины – из сна в сон – кардинально меняли свой цвет. Незнакомка была то жгучей брюнеткой, то обворожительной платиновой блондинкой.

– Как такое, Умка, может быть? – вопрошал Егор белого, вернее, светло-сиреневого халцедонового медвежонка. – В чём тут фишка? И как, интересно, её зовут?

Но Умка печально молчал. Только один раз в голове Егора тихонько прошелестело: – «Александра, Санька, Сашенька, Шурка, Сашенция...».

По поздней осени и ранней весне мыс Наварин посещали и настоящие белые медведи. Но близко к хижине они не подходили и, вообще, вели себя на удивление прилично, словно доброжелательные гости, из вежливости заглянувшие на огонёк. Медведи проходили, не останавливаясь, по береговой кромке, изредка приветственно и одобрительно порывивая в сторону землянки.

– Очевидно, это кварцевый медвежонок оберегает меня, – каждый раз бормотал под нос Егор. – Спасибо, Умка! Спасибо...

О соблюдении личной гигиены он никогда не забывал. Умывался и чистил зубы два раза в сутки – утром и вечером. А ещё регулярно – летом раз в две недели, в остальные времена года раз в месяц-полтора – организовывал банные процедуры. То есть, натягивал на аккуратном каркасе, изготовленном из сосновых веток-стволов, кусок толстого полиэтилена, заносил в образовавшееся «банное помещение» – в специальном казанке – заранее раскалённые камни, а также – в обычных вёдрах – горячую и холодную воду. После чего раздевался, плотно «закупоривался» и поддавал на раскалённые камни крутой кипяток, благодаря чему температура в «бане» очень быстро поднималась – вплоть, по ощущениям – до семидесятиградусной отметки. Егор отчаянно парился-хлестался берёзовыми вениками – короткими, с очень мелкими листьями. А потом тщательно мылся – с помощью самого обычного мыла и таких же обыкновенных мочалок...

Всё бы и ничего, но только очень досаждало ощущение полного и окончательного безлюдья. Появление хмурых матросов – два раза в год – было не в зачёт. Первобытная тишина, песцы, чернубурки, медведи, россомахи, наглые полярные волки, стаи перелётных уток-гусей, тучи комаров и гнуса, всполохи полярного сиянья, да далёкий морской прибой. На этом и всё...

Впрочем, иногда у Егора появлялось чёткое ощущение, что за ним кто-то старательно наблюдает.

Во-первых, это происходило – примерно ежемесячно – в периоды новолуния. Как только Луна приближалась – по своей геометрии – к форме идеального круга, так всё крепче зрела уверенность, что за тобой установлена тщательнейшая слежка...

Во-вторых, при каждом дальнем походе – по письменному требованию господина Ивана Николаева – за новыми бивнями мамонта.

До юго-западных заболоченных распадков – от хижины-землянки – надо было пройти километров тридцать-сорок. Если вдуматься, то и не расстояние вовсе – для взрослого и подготовленного человека. Семь часов хода до распадков. Два часа – на «раскопки» в болотистой жиже. Девять с половиной часов – усталому и гружённому – на обратный путь. Ерунда ерундовая. В любом раскладе – ночуешь дома. Но – ощущения...

Путь к юго-западным болотам пролегал через странное плоскогорье. Чем, собственно, странное? Своими камнями – необычными по форме, да и по содержанию. Идёшь мимо них, и, кажется, будто бы эти загадочные плиты разговаривают с тобой...

Плиты? И грубо-обработанные плиты, и высокие плоские валуны, поставленные на попа, с нанесёнными на них непонятными руническими знаками.

Руническими? Да, где-то на самых задворках подсознания Егора жило-существовало это понятие-воспоминание...

– Шаманское кладбище, – шептал Егор, – Подумаешь, мать его, не страшно. И не такое видали...

Здесь он душой не кривил. Действительно, в глубине этой самой души жила железобетонная уверенность, что её (души) хозяин способен на многое. На очень – многое. Что, собственно, и доказал – когда-то, где-то, кому-то – в жизни своей прошлой, нечаянно забытой.

Тем не менее, проходя – туда и обратно – мимо этого места, Егору казалось (чувствовалось?), будто бы за ним кто-то наблюдает. Внимательно так наблюдает, вдумчиво и пристально. Может, действительно, казалось. А, может, и нет...

Начиная с июля месяца, Егор встречал каждое утро своеобразной гимнастикой-зарядкой. То бишь, вставал ориентировочно часов в шесть утра (белые ночи, попробуй, определи точней!), и отправлялся на берег моря – собирать плавник, выброшенный на каменистую косу очередным морским приливом. Мол, запас дров на зиму – первостатейный залог успешного выживания. Это хитрым бурым медведям хорошо и просто – забрался в глубокую берлогу и дожидайся, сладко похрапывая, прихода нежной и трепетной весны. Людям же без дров не обойтись, а печка – создание крайне прожорливое и ненасытное...

Он бодро шёл по чёрной крупной гальке и складывал найденные деревяшки-ветки в отдельные кучки. Потом объединял эти кучки в единую охапку, обвязывал её кожаными ремнями, взваливал на спину и оттаскивал к землянке, складирова дрова под длинный и широкий навес, выстроенный рядом с хижинкой, недалеко от коптильни. За утро Егор делал, как правило, два-три рейса.

Это июльское утро ничем не отличалось от череды многих других. Светло-жёлтое северное солнышко прогрело окружающий воздух до плюс одиннадцати градусов – на старенькой оконной раме был закреплён градусник-термометр. На небе не наблюдалось ни единого облачка, юго-восточный ветерок ласково и бережно обдувал лицо. Над мелкими серо-зелёными волнами, отчаянно галдя, кружили упитанные чёрно-белые (бело-чёрные?) чайки.

– Наверное, горбуша подошла к берегу, – предположил Егор. – Походит неделю-другую по бухте, присмотрится к ситуации. А потом и в ручей проследует, на нерест.... Надо будет закол³ подновить-подправить. Камни коптильни – по швам – промазать цементом. Бочонки осмотреть – на предмет готовности к путине...

Дровяной «улов», на этот раз, был неожиданно-богатым. Щедрый прилив выбросил на пологий берег мыса четыре толстых берёзовых бревна, много сосновых веток и длинный щит, состоящий из шести струганных досок. На щите наличествовала доходчивая надпись: – «Не кантовать! Стекло!».

– Сегодня придётся попотеть, – довольно усмехнулся Егор. – А щит надо будет обязательно разбить на отдельные доски. Топор, пожалуй, принесу уже в следующий заход..., – замолчал, не докончив фразы, настороженно всматриваясь в морскую серо-зелёную даль.

Там, возле самого входа в бухту виднелись чёрные крохотные точки.

– Странно, – пробормотал Егор. – Для «Проныры» – не сезон. Кто бы это, интересно, мог быть?

³ – Закол – приспособление для ловли рыбы, идущей на нерест.

Он, позабыв про найденные дрова, забрался на прибрежную скалу, возвышавшуюся над морскими водами метров на двадцать пять, достал из-за широкого голенища кирзового сапога мощную подзорную трубу и навёл её в нужном направлении.

По спокойным морским водам шли – бок обок – два неуклюжих моторных вельбота.

– Чукчи вышли на охоту, – сообщил окружающему его пространству Егор. – А может, на рыбалку. Кто их разберёт? Станный и беспокойный народец... Ага, точно, на рыбалку! Вернее, на китовую охоту...

Над поверхностью моря ударила вверх мощная струя воды. Метрах в ста пятидесяти от вельботов, спокойно, никуда не спеша, плыл большущий кит. Вот, он набрал в лёгкие воздуха, и – головой вперёд – ушёл под воду, продемонстрировав чёрную гладкую спину, блестящую на солнце – словно тщательно отполированная плита базальта. Гигантский хвост на прощание хлопнул по воде, оставив за собой радужную пелену брызг, и скрылся в морских глубинах. Примерно через двадцать секунд мощная голова животного появилась на поверхности, но уже совсем в другом месте. Вскоре в воздух снова взметнулся мощный фонтан...

Не смотря на то, что моторы вельботов тарახтели на максимальных оборотах, приблизиться к киту им никак не удавалось. Морской гигант, словно бы забавляясь и хулиганя, заложил широкий круг, оставляя расстояние между собой и лодками неизменным. Прошло пять минут, десять, пятнадцать...

Кит, неожиданно изменив направление движения, стал резко забираться к берегу, идя неровными и рваными зигзагами.

– Своих ищет, – предположил Егор.

И, точно, западнее вельботов вверх взметнулось ещё несколько фонтанов, в волнах замелькали чёрные спины – как минимум четыре кита плыли навстречу первому.

Незапланированная встреча прошла, что называется, в тёплой и дружественной обстановке. Киты тут же устроили самую настоящую карусель. Они плавали друг за другом по кругу, выпрыгивали из воды, неожиданно меняя курс, и непрерывно запускали вверх высокие, наверное, приветственные фонтанчики.

– Радуются, олухи царя небесного, – невесело усмехнулся Егор. – Не замечают смертельной опасности. Сейчас оно и начнётся, зверобойное светопреставление!

Вельботы разошлись, старательно огибая «китовую карусель», резко развернулись и бодро пошли навстречу друг другу – так, чтобы проплыть мимо ближайшего кита с разных сторон. Приблизившись к беспечному животному почти вплотную, охотники синхронно и умело метнули гарпуны. Из одного вельбота в воздух взметнулись и успешно вонзились в тело кита четыре гарпуна, из второго – три. Через некоторое время рядом с неподвижным (ошалевшим от боли и неожиданности?), китом плавало, чуть заметно подрагивая, семь тёмно-коричневых воздушных пузырей, изготовленных из моржовых и нерпичьих шкур.

Последовал сильнейший удар гигантским хвостом по воде, вельботы, сильно накренившись на поднятой этим ударом волне, испуганно метнулись в разные стороны. Кит нырнул, воздушные пузыри также скрылись под водой. Остальные морские гиганты – испуганным косяком – дружно рванули на юго-восток, трусливо бросив соплеменника в беде.

Минут через пять-шесть воздушные пузыри – один за другим – всплыли на поверхность, между ними показалась чёрная голова кита, вслед за этим дружно загремели громкие ружейные выстрелы, окровавленный кит опять нырнул в морскую пучину.

– Китяра сейчас будет ходить широкими кругами, а вельботы – без усталости, не жалея горячего и не прекращая пальбы – гоняться за ним, – хмыкнул Егор. – Это надолго может затянуться. Дай Бог, если управятся к ночи...

«Знаешь, братец, а картинка-то – знакомая», – неуверенно прошелестел в голове внутренний голос. – «В том смысле, что когда-то очень давно мы уже её наблюдали... Где и когда? Извини, но не помню... Точно могу сказать лишь следующее. Ружей тогда у охотников не

было. А решающий удар гарпуном – в спину кита – нанесла женщина. Очень смелая и красивая, с шикарной гривой платиновых волос...».

Сзади раздался едва слышный шорох, и приятный, чуть хрипловатый баритон подтвердил:

– Часов шесть-семь, однако, уйдёт. Кит-то здоровенный и молодой. Чтобы такой сдался, то есть, выбросился на берег, пуль шестьдесят надо в него выпустить. А то, и все сто пятьдесят, однако... Зато, чукотское стойбище Наргинауттонгетт будет на три-четыре месяца обеспечено свежим мясом. А китовым салом, почитай, на целый год. Язык и внутренности закопят, китовый ус продадут в Анадырь...

Егор обернулся. На прямоугольном базальтовом валуне, небрежно опираясь на солидный охотничий карабин, восседал пожилой чукча, одетый в светло-коричневые брезентовые штаны и новёхонькую геологическую штормовку цвета хаки.

«Блин чукотский, подгоревший слегка! А я, как раз, без ружья», – мысленно огорчился Егор. – «От здешних чукчей всего можно ожидать. Они – за бутылку водки – родную бабушку прикончат, особо не задумываясь...».

Глава вторая

Шаманское камлание

Пожилой чукча оказался самым натуральным провидцем. Насмешливо улыбнувшись, он заявил:

– Не, я водки не употребляю. Совсем. А, вот, от чифиря не откажусь. Угостишь соседа?

– Соседа? – на всякий случай переспросил Егор.

– Ага, соседа. Моё стадо олешек пасётся совсем недалеко, – старик небрежно махнул рукой на юго-запад. – Я видел несколько раз, как ты шарился в тамошних болотистых лощинах. Типа – усердно собирал слоновьи косточки-клыки.

– Это рядом с шаманским кладбищем?

– Точно. А откуда ты знаешь, что оно – шаманское?

– Не знаю, откуда знаю, – равнодушно пожав плечами, честно признался Егор. – Просто иду, вижу – шаманское кладбище...

– Не прост ты, охотник. Ох, непрост! – лукаво прищурился чукча и представился: – Афанасий Афанасьевич Акимов. Знатный оленевод.

– А прозвище у тебя имеется?

– Конечно же. У каждого чукчи есть прозвище. У меня – «Афоня-шаман». Потому, что я родился в потомственной шаманской семье. Мой отец был знаменитым шаманом, дед, прадед, прадед моего прадеда...

– А ты?

– И я шаманю маленько. Чего скрывать, однако? В свободное от оленеводства время, понятное дело. И деньги за это действие совсем не беру. Только пачку-другую чая.

– А заодно и за шаманским кладбищем присматриваешь? – не прекращал расспросов Егор. – Разговариваешь с душами умерших предков? А в правом кармане у тебя лежит заветный амулет?

– Ничего от тебя, охотник, не утаишь, – кротко улыбнулся Афанасий. – И присматриваю, и разговариваю... Есть у меня и второе заслуженное прозвище – «Афоня-медвежатник». Дано за то, что я с медведями – и с бурыми, и с белыми – всегда нахожу общий язык. Уважают они меня и слушаются, однако... Интересуешься – почему? Наверное, из-за этого древнего талисмана, – вытащил из правого кармана штормовки крошечную фигуру белого медвежонка.

– Улыбается, прямо как Умка, – сообщил Егор. – Лукаво, понимающе и ободряюще. Только мой медведь – светло-сиреневый, так как вырезан из халцедона. А твой, Афоня, тёмно-фиолетовый. Следовательно, он – из беломорина⁴...

– У тебя тоже есть каменный медвежонок? – всерьёз заинтересовался чукча. – Покажешь? Это очень и очень важно... То-то, я никак не мог понять, почему меня так сильно тянет – подойти к твоей землянке. Старею, наверно, понемногу. Зов-то услышал, да, только, так и не понял – что к чему... Кстати, как тебя зовут, охотник?

– Егором. Отчества и фамилии, извини, не знаю. Вернее, не помню. И прозвища у меня нет.

– Есть, конечно же, – непонятно усмехнулся шаман. – Оно у тебя на лбу написано, Странник.

– Как это – на лбу? Шутишь?

– Долго объяснять. Да ты, наверно, и не поймёшь... Странник – и всё тут. Прими и смиришься. Говоришь, память отшибло? Бывает...

⁴ – Беломорин – минерал, разновидность кварца.

– А ещё за мной подсматривает кто-то, – пожаловался Егор. – Не постоянно, конечно, а только в новолуние.

– Простое совпадение, и Луна здесь не причём, – лениво зевнув, известил Афанасий. – Просто – в двадцатых числах каждого месяца – эту местность регулярно «просвечивают» со спутника.

– Откуда ты знаешь? И для чего – «просвечивают»?

– Знаю, и знаю.... За кем, спрашиваешь, наблюдают? Может, за мной. Может, за тобой. Не так и важно, если вдуматься.... Ну, зови в гости, Странник! Пойдём, посмотрим на твоего медвежонка. Чифирем побалуемся....

Оказавшись в хижине, Афанасий с любопытством огляделся по сторонам и объявил:

– Хорошо живёшь, богато! А здесь – за долгие годы – почти ничего и не изменилось, однако. Всё та же печка, дверь прежняя...

– Ты уже бывал в этой хижине? Как давно? И кто здесь жил до меня?

– Тут раньше, ещё при Иосифе Сталине, располагался временный пост НКВД. То есть, опорная точка.

– Шутишь? Что в этой глухомани забыли чекисты?

– Золото, естественно, – криво усмехнулся чукча. – Недалеко отсюда, к северу, советские геологи отыскивали жильное золото. Богатой оказалась жила.... За ним сюда приходил большой пароход. Назывался – «Красный Октябрь». Шлюпки много раз плавали туда-сюда. А в этой избушке жил Никита Иванов⁵, начальник той геологической экспедиции. Занятный такой парнишка, разговорчивый. Тоже Странник – вроде тебя.

– Что было дальше?

– Ничего особенного. Золото, естественно, закончилось. Шахту взорвали. Геологи уплыли на «Красном Октябре». То есть, вернулись на Большую Землю.... А золото, может, и не закончилось, однако. Просто шахту – таким образом – законсервировали. Мол, до лучших времён.... Кстати, дай-ка твою ладонь. Не эту, охламон, левую!

Чукча долго и пристально вглядывался в извилистые линии на ладони Егора.

«А, ведь, он очень и очень старый», – подумалось. – «Лицо тёмно-коричневое, изрезанное густой сетью глубоких морщин. Во рту наличествует всего несколько зубов, да и те чёрные – от регулярного употребления чифиря. Интересно, сколько Афанасию лет? Семьдесят, восемьдесят, сто?

– Я всегда думал, что гаданьем по ладони занимаются только кочевые цыгане, – недоверчиво хмыкнул Егор. – Оказывается, что чукчи являются дальними родственниками цыган. Впрочем, я об этом факте давно уже догадывался...

– Дурацкая и совсем несмешная шутка, – вяло откликнулся Афоня, не прерывая своего занятия. – В данном случае, национальность не имеет никакого значения, однако. Либо человек умеет читать по ладони другого человека, либо – не умеет.

– Ну, и какие письмена ты увидел на моей ладошке? Что прочитал?

– То и прочёл, что ты, Егор, действительно, являешься Странником. Вот, она, линия жизни. Видишь?

– Вижу.

– А здесь она прерывается. Потом вновь появляется. Снова исчезает. Натуральный пунктир, короче говоря.

– Что это значит? – забеспокоился Егор. – Я уже несколько раз умирал? То есть, умирал, воскресал, умирал, воскресал? Сейчас-то я – живой?

– Живой, конечно же. И не умирал ты ни единого раза. Просто – странствовал....

– Где странствовал-то?

⁵ – О приключениях Никиты Иванова рассказано в романах «Седое золото» и «Логово льва».

– Мало ли, где, – надменно поморщился чукча. – Мест, что ли, мало? Прошое, Будущее, всякие параллельные миры...

– Шутишь?

– Ты, Странник, уже в третий раз называешь меня шутником, – неожиданно обиделся Афанасий. – Я тебе что, Евгений Петросян?

– Кто это такой? – хмуро поинтересовался Егор. – Не знаком с данным гражданином.

– Не знаешь? Ах, да! Ты же память потерял.... Евгений Петросян – известный российский юморист. Вернее, это он сам считает себя таковым, однако.

– А где я сейчас нахожусь?

– Ты? Здесь, конечно же. На восточном чукотском мысе Наварин, однако. То бишь, на берегу сурового Берингова моря.... Только об этом знают, отнюдь, не многие. А именно, я, ты, несколько жителей городка Анадыря, да ещё те ребяташки, которые балуются со спутниками. А для всех остальных жителей нашей планеты ты, Странник, умер. То есть, это они так считают...

– Интересные дела!

– Интересные, – невозмутимо подтвердил чукотский шаман. – Что тебе ещё рассказать?

– Про родственников, – попросил Егор. – Если, конечно, можно...

– Попробую, однако.... Твои родители уже давно переселились в заветную Долину Теней. Братьев и сёстр нет, да и не было никогда. Жёны.... Их, похоже, целых две.

– Чёрненькая и светленькая?

– Ага, точно! Та, которая с русыми волосами, она живёт (или – жила?), в другом мире...

– Ты сказал – жила? Следовательно, она умерла?

– Трудно сказать, – задумался Афанасий. – Наверное, умерла – для нас с тобой. Во-первых, дело было в далёком восемнадцатом веке. Во-вторых, вы с ней больше никогда не увидите. Ни с ней, ни с детьми. Два сына и дочка.... Жаль, вы со светленькой были, как иногда говорят по телевизору, идеальной парой. Но путь в восемнадцатый век тебе, Странник, заказан. Зато, похоже, открыт – в более ранние Времена.... Чёрненькая же барышня – нашенская. Вижу ещё сына и дочурку. Плодовит ты, однако, Странник.

– Мы с ней, с черноволосой женщиной, ещё увидимся? – спросил Егор хриплым от волнения голосом.

– Увидитесь. Только, вот, сладится ли у вас? Не уверен, однако...

– Почему?

– По капустному кочану! – ехидно усмехнулся чукча. – Каждый человек в этой жизни должен постоянно выбирать. Ну, как на дорожной развилке. Налево, направо, прямо.... У тебя – свой выбор. У твоей жены – свой. Если эти выборы совпадут, то дальше – по жизненному пути – пойдёте вместе. Не совпадут, извини, но разбежитесь в разные стороны – навсегда.... Ладно, сделаем краткий перерыв в разговоре. Где твой медвежонок? Вижу.... А сам, пока я буду общаться с камушком, займись чифирем. У тебя есть чай «со слоником»? Нет? Очень жалко.... Ладно, заваривай – из чего есть. Только заварки не жалея, однако. Что у тебя в этой литровой жестяной банке? Гвозди? Я их, пожалуй, высыплю на печку. Незачем чифирем портить хорошую посуду. То есть, чашки и миски...

Егор разжёл керосинку, вскипятил в жестянке воды, сыпанул туда чайной заварки и задумался: – «Может, ещё добавить? Ни разу ещё не изготавливал этого экзотического напитка. Да и не пробовал....».

– Если не пробовал, то и не надо, – посоветовал подошедший Афоня. – Ни к чему.... Ещё добавь заварки. Не жалея! – поставил на столешницу обоих медвежат и, заговорщицки подмигнув, спросил: – Как они тебе?

– Близнецы-братья! – улыбнулся Егор. – Похожи друг на друга, как две капли воды. Только разноцветные...

– Мой мишка – местного изготовления, – пояснил чукча. – А твоего вырезали на далёкой Аляске.

– Да, ну!

– Ну – баранки гну. Эскимосская работа. Вернее, тлингитская. Тлингиты⁶, они близкие родственники эскимосам.

– Разве эскимосы обитают на Аляске? Я думал, что их поселения расположены только на севере Канады.

– Сейчас это так, – печально вздохнул Афоня. – Но до середины девятнадцатого века эскимосов можно было встретить и на западном побережье Аляски...

От души напившись чифиря, Афанасий благостно улыбнулся, довольно откинулся на спинку стула и, аккуратно промокнув потный лоб рукавом штормовки, небрежно поинтересовался:

– Хочешь, Странник, чтобы память вернулась к тебе?

– Конечно, хочу! – вновь заволновался Егор. – А такое, разве, возможно?

– Не вопрос... Сделаем, пожалуй, так. Через две недели, третьего августа, встретимся – уже ближе к вечеру – на шаманском кладбище. У тебя, Странник, надеюсь, имеется в хозяйстве перекидной календарь?

– Найдётся. А где конкретно мы встретимся? Кладбище же, отнюдь, не маленькое...

– Возле чёрной базальтовой квадратной плиты. Она там такая одна.

– Знаю, проходил мимо.

– Вот, к ней и подгребай, – Афоня вновь потянулся к жестяной банке. – Пошаманю немного. Попрошу у всеильной Небесной Тени милости для тебя, болезного.

– Думаешь, получится?

– Почему бы и нет? Обладатель медвежонка-талисмана – заслуживает доброго отношения к себе. Это – как метка такая. Мол, данный человек является любимцем Богов... Только, Странник, не забудь прихватить с собой медвежонка и пачку чая. А ещё лучше – две.

– Я принесу тушёнки, макарон и копчёную горбушу, – сообщил Егор. – Перекусим у костерка...

– Не надо, не утруждайся. При камлании⁷ не каждая еда сгодится. Я сам обо всём позабочусь. Не беспокойся.

Третьего августа небо – с самого утра – затянуло пухлыми серыми тучами.

– Как бы дождик не зарядил, – ворчал Егор, старательно запихивая в походный рюкзак скатанную в рулон плащ-палатку. – Помешает это камланию? Не помешает?

Но Афанасий – при встрече – успокоил:

– Наоборот, поможет. Тучи – для Небесного Огня – очень хорошо. А к рассвету небо прояснится, однако.

– Что такое – «Небесный Огонь»? – уточнил Егор.

– Северное сияние. Без него камлать – только время понапрасну терять... Давай-ка, Странник, не ленись. Разводи костёр.

– А откуда здесь взялись такие отличные дрова? Даже толстые берёзовые чурбаки...

– От горбатого верблюда, – невежливо ответил шаман, выставляя-раскладывая из объёмного вещмешка на квадратную базальтовую плиту различные миски, деревянные дощечки, свёртки, фляжки и тёмные серебряные стаканчики. – Я читал про этих экзотических зверей

⁶ – Уже в 19-ом веке племя тлингитов перестало существовать, частично вымерев от вирусных заболеваний, частично – ассимилировав с атабасками. Версия о том, что тлингиты являлись прямыми родственниками эскимосов, существует, но научно она не доказана.

⁷ – Камлание – (от «хам», «кам» – названия шаманов в ряде тюркских языков Южной Сибири), термин в русском языке, обозначающий особые ритуальные действия шамана, во время которых он – якобы – общается с духами.

в толстой книжке. Там ещё картинка была. Красавцы, на мой вкус. Слегка похожи – общим обликом и печальными глазами – на северных оленей. ... А чурки предназначены не для огня. Мы на них будем сидеть.

– Ты предлагаешь использовать могильную кладбищенскую плиту – в качестве обеденного стола? – поделился сомнениями Егор. – Нехорошо это, право слово. ...

– А где ты видишь могилу? Чёрная плита? Это и есть – стол для трапезы. ... Ведь, как говорят, на русских кладбищах тоже есть столики? Вот, видишь. Чем же чукчи хуже, однако?

Костёр, тихонько постреливая яркими угольками, разгорелся.

– Кушать подано! – торжественно объявил шаман, наполняя стаканчики бурой жидкостью из пузатой фляги. – Присаживайся, Странник!

– Определённо, пахнет алкоголем, – садясь на торец берёзового чурбака, задёргал носом Егор. – Ты же, Афанасий, говорил, что, мол, водки не употребляешь. ...

– Это не водка, однако. А чистый спирт, постоянный на местных травах и кореньях. «Тундровый бальзам», выражаясь по-вашему. ... Понимаешь, Странник, перед камланием ты должен слегка «пропитаться» духом нашей древней тундры. Выпить травяного бальзама, отведать исконной чукотской пищи. ... Подбрось-ка ещё дровишек в костерок. ... Молодец, спасибо. Ну, за твою память! Чтобы – непременно – вернулась!

«Тундровый бальзам» оказался ароматным, чуть горьковатым и очень забористым. Дыхание сбилось и замерло на добрую минуту, на глазах навернулись крупные слёзы.

– Рукавом занюхай, – заботливо посоветовал Афоня. – Теперь отдышись немного. ... Полегчало? Тогда – закусывай!

Егор, смахнув с ресниц обильные слезинки, внимательно оглядел базальтовый «стол». Прямо перед ним стояла глубокая глиняная миска, почти до краёв наполненная какой-то тёмной жидкостью. Рядом с миской лежала прямоугольная сосновая дощечка, на которой были аккуратно разложены тоненькие светло-желтые ломтики и крупные тёмно-красные куски. Возле шамана – на гладкой чёрной поверхности – была расставлена точно такая же «посуда».

– Желтоватые ломтики – это прошлогоднее китовое сало. Очень сытный, богатый разными витаминами и полезный для здоровья продукт, – сообщил Афанасий – Тёмно-красное мясо – это моржати́на недавнего убоя. Только лишь слегка проваренная и несоленая. А в глиняные плошки налита свежая моржовая кровь. Вот, она-то – чуть-чуть солоноватая. ... Начинай с китового сала, однако. Бери ломтик, обмакивай его в кровь и кушай. Жуй медленно, никуда не торопясь. ... Ну, как оно? Вкусно?

– Есть можно, – брезгливо поморщился Егор. – По вкусу напоминает обычное свиное сало, только старое, прогорклое и с ярко-выраженным рыбьим привкусом.

– Следующий ломтик бери! Макай и не кривись. Надо, понимаешь, всё съесть. ... Молодец, Странник! Наливай-ка по второму разу. Чтобы китовое сало – случайно – не застряло в глотке. ...

После третьего стаканчика «тундрового бальзама» дошла очередь и до парной моржати́ны. Афоня, подавая пример, взял левой рукой большой кусок мяса, поднёс его ко рту и крепко ухватился зубами за край, после чего лезвием ножа, зажатого в ладони правой руки, ловко провёл по мясу – рядом с собственными губами – отрезая нужную порцию.

«Что же, и мы так попробуем!», – решил Егор, доставая из-за голенища кирзового сапога охотничий нож. – «Вдруг, да получится. ...».

Маленькие кусочки полусырого моржового мяса прямо-таки таяли во рту, а желудок уверенно наполнялся блаженной сытостью.

– Где, брат Афанасий, разжился свежими морепродуктами? – отдуваясь и икая, спросил Егор. – Был же разговор, что, мол, ты являешься заслуженным оленеводом. Как, кстати, поживают твои олешки?

– Пасутся, – не отрываясь от поглощения мяса, кратко сообщил чукча, небрежно-хмельным жестом указав на юг. – Небесная Тень внимательно присматривает за ними... Ты назвал меня братом? Правильно. Все люди, обладающие каменными медвежатами, братья. Они друг друга чувствуют издали... Китовое сало и моржатины? Выменял ранним утром у тутошних береговых чулков. На парочку оленьих шкур и моток сухожилий. Бартер, выражаясь по-иностранному... Наполняй чарочки. Не спи. Ещё успеешь, – вновь склонился над вещмешком. – Сейчас попробуем оленьи почки и печёнку. Свежие, вкусные. Их надо употреблять, обмакивая уже в оленью кровь, однако. Ага, вот же, она, фляжка с кровушкой...

В какой-то момент – после пятой-шестой порции «таёжного бальзама» – Егор понял, что засыпает. А светло-сиреневый мишка, лежащий в нагрудном кармане его фланелевой рубашки, стал очень тёплым.

«Надо взбодриться», – вяло подумал Егор. – «Не время сейчас – впадать в сладкую дрему...»

Подумал, и успешно заснул...

Проснулся (очнулся?) он уже ночью, сидя всё на том же берёзовом чурбаке. Закат ещё догорал – пунцовыми углями, а рассветная зорька уже теплилась – робкой улыбкой.

«Полярный день, конечно же, постепенно и планомерно сдаёт свои позиции», – подумалось. – «Уже и темнота появляется по ночам. А в середине июня месяца солнышко даже не заходило за линию горизонта. Пряталось за неё – на три четверти диска – и снова начинало уверенно двигаться вверх, направляясь к небесному зениту... А где же старик Афанасий? Пить-то как хочется, Боги мои...».

На чёрной квадратной плите стоял мятый алюминиевый котелок. Егор, крепко обхватив посудину ладонями, жадно напился чуть тёплого кипятка, поставил котелок на место и повернул голову направо.

Метрах в тридцати пяти от базальтового «стола» горел большой и жаркий костёр, около которого, внимательно вглядываясь в ночное небо, вернее, в его тёмно-бордовый западный край, застыл Афоня.

Шаман был облачён в широкий бордовый малахай до самой земли, щедро украшенный разноцветным бисером и блестящими монетками. На голове старика красовалась аккуратная песцовая шапочка с пышным пыжиковым хвостом. Лицо пожилого чулка было щедро покрыто чёрными и ярко-красными знаками – вычурными и странными.

Афанасий, несколько раз ударив в бубен, прокричал несколько гортанных и резких фраз. Создалось устойчивое впечатление, что на Небесах его просьбу услышали: от тёмной линии далёкого горизонта – до тусклого ковша Большой Медведицы – протянулись неровные и изломанные светло-зелёные полосы.

Через несколько мгновений полосы начали причудливо изгибаться, меняя и беспорядочно чередуя цвета. Вот, одни полосы стали светло-голубыми, другие – светло-розовыми, между ними отчаянно заплясали сиреневые и фиолетовые сполохи. Постепенно вся западная часть небосклона окрасилась в самые невероятные, но удивительно-нежные – при этом – оттенки. Тени Огня горели, то расширяясь, то сужаясь, резво пробегали в противоположные стороны, но никогда не пересекались между собой. Егор заворожено смотрел в небо, уже не понимая, явь это чудесная, или же самые обыкновенные алкогольные галлюцинации, навеянные коварным «тундровым бальзамом»...

Шаман закурился в каком-то странном танце, полном резких и угловатых движений, запел – на родном языке – что-то очень тягучее и рвано-непостоянное. Порой в песне проскальзывали просительные и жалостливые нотки, иногда же, наоборот, угадывался яростный гнев, звучала ничем неприкрытая агрессия.

Удары в бубен становились всё чаще и громче, старик, обойдя несколько раз вокруг яркого костра, по широкой дуге стал приближаться к Егору. Вот, его сутулая и неуклюжая фигура полностью заслонила собой отчаянно-пляшущие Тени Огня. Егор видел только глаза шамана – чёрные, бездонные, отрешённые и безумно-тревожные...

Афоня сделал два шага в сторону. Опять перед затуманенным взором Егора оказались разноцветные бегущие полосы, переливавшиеся самыми нереальными оттенками. Шаман вновь занял прежнее положение, и, не прекращая петь, начал размеренно раскачиваться из стороны в сторону. Перед Егором навязчиво замелькал нескончаемый калейдоскоп: чёрные страшные глаза – светло-зелёные всполохи, глаза непонятного цвета, но полные доброты и надежды, розовые неровные полосы с тоненькими сиреневыми прожилками...

Сколько длилось это безумие? Может, час, может – гораздо дольше. Егор уже перестал ориентироваться во времени и пространстве.

По лицу шамана текли тоненькие ручейки пота, в уголках узких губ пузырилась светло-зелёная пена, тёмное лицо перекосила гримаса нешуточной боли. Его движения всё убыстрялись и убыстрялись, бубен гудел уже одной, нескончаемо-тоскливой нотой. Тени Огня – казалось, вслед за стариком – заматались по небу с невероятной скоростью, изгибаясь уже по совершенно-экзотическим траекториям...

Егор почувствовал, как по его позвоночнику плавно проползла-перекатилась горячая, бесконечно-приятная волна, после чего нестерпимо закололо в солнечном сплетении, а голова стала ясной и пустой. Он, неожиданно для самого себя, упруго вскочил на ноги и громко запел на совершенно незнакомом ему языке – мягком и певучем, полном множества звонких согласных...

Было легко и невероятно радостно. Душа, проснувшись, тоненько звенела и будто бы улетала – в блаженную даль.

Минут через пять-шесть Егор устало опустился на берёзовый чурбак и вспомнил всё. Или же – почти всё...

Глава третья

Возвратившаяся память

Его звали – Егор Петрович Леонов. Родился в восьмидесятых годах двадцатого века, в городе – ещё – Ленинграде. Маленькая и неудобная комната в коммунальной квартире на Средней Охте, заплёванный и тёмный двор-колодец, вечно-усталая и печальная мать. Своего отца он не знал. С детства имел склонность к точным наукам, окончил специализированную физико-математическую школу. Всегда отличался повышенной любознательностью, имел очень широкий и разнообразный круг интересов. В младших классах средней школы посещал химический кружок при Дворце пионеров, потом активно и увлечённо занимался в театральной студии, в старших классах посвятил себя спорту – самбо, дзюдо, карате. Особых спортивных успехов не достиг, но получил определённые навыки, весьма полезные в повседневной жизни... После одиннадцатого класса Егор оказался перед судьбоносным выбором: поступать на физико-математический факультет Санкт-Петербургского Университета, или же – в один из театральных вузов. Победила, всё же, любовь к театру.... Он подал документы сразу во все питерские театральные учебные заведения. Не поступил, ну, так сложилось, со многими бывает.... Весной 2005-го года Егора забрали на воинскую службу. Он честно отслужил два года по призыву, потом ещё два – по контракту: в разных южных, немного странных и беспокойных странах. Причём, в элитных войсках особого назначения, прошёл специализированные курсы военных телохранителей, познакомился с азами диверсионной деятельности....

А потом, в 2009-ом году, его завербовали в международную специальную службу «SV» – в качестве секретного агента. Вернее, уговорили и соблазнили, пообещав целую кучу денег и маленький личный остров в тропическом Карибском море – с совершенно невероятной рыбалкой и смуглыми стоворчливыми мулатками.... Контора – как контора, в меру занудная, в меру забюрократизированная. От других спецслужб этого беспокойного мира «SV» отличалась только одним – она работала не только с Настоящим, но и с Прошлым.

Как и что конкретно? Долго объяснять.... Короче говоря, Егора Леонова отправили в Прошлое, точнее, в легендарную Петровскую эпоху⁸. Там с ним много – чего произошло. Приключение, перестрелки, интриги, власть, деньги, воинская слава, почести, богатство.... Но всё это – даже вместе взятое – являлось ничего незначущей ерундой. Ерундой – по сравнению с женскими небесно-голубыми глазами. Он влюбился в Саньку, Александру, Сашеньку, Сашенцию, Шурку. Влюбился – как последний сопливый мальчишка. Женился – сугубо по взаимной и жаркой любви. Пошли дети. Дом – полная чаша, деревеньки с крепостными крестьянами, дворцы, загородные имения, псовая охота.... А потом служба «SV», не объяснив причин, насильно вернула его в Настоящее. Зачем?

– До сих пор не понимаю, – потерянно пробормотал Егор. – Не было никаких веских причин. Дурь сплошная...

– А что было дальше? – заинтересованно спросил Афанасий, старательно стирая с физиономии чёрные и ярко-красные знаки-узоры. – Ты молчи. Просто думай. Я услышу...

По возвращению из Прошлого он познакомился с другой Санькой-Александрой, черноволосой разговорчивой красоткой. Влюбился, женился, родилась дочка Иришка. Потом – долгие годы – ничего не происходило. Ну, совершенно ничего. Нелюбимая работа, унылый и однообразный быт, серо-жёлтая скука. Тайная служба «SV» напрочь позабыла о своём секретном агенте.... Неожиданно в газете появилось нестандартное объявление: – «С пятого мая

⁸ – Этому периоду в жизни Егора Леонова посвящены романы «Страж государя», «Северная война» и «Звонкий ветер странствий».

текущего 2019-го года наш телевизионный канал начинает трансляцию нового, совершенно потрясающего реалити-шоу под название «Живём – как в старину»! Пять молодых семей будут отправлены в одну из заброшенных деревень Вологодской области, где им предстоит провести один год и один месяц. Эти пять мужчин и пять женщин прошли через жёсткие сита отбора, и выбраны компетентной комиссией из двенадцати тысяч претендентов. Возраст участников – от двадцати девяти до тридцати восьми лет. Никакой помощи со стороны! Только собственный труд может помочь им выжить в этой суровой реальности! Охота, рыбалка, собирательство грибов и ягод, овощеводство и животноводство – вот, чем предстоит заниматься нашим героям. С собой мы даем им минимальный набор необходимых вещей и продуктов. Абсолютно никаких достижений современной цивилизации! Никаких ружей, спиннингов, спичек и всего прочего.... **Всё будет по-настоящему: нашим современникам предстоит жить жизнью их далёких предков – древних славян! Предстоит – по-настоящему – выживать!** Один раз в две недели они будут выбирать «Вождя племени».... Предусмотрен командный приз в размере пятьсот тысяч долларов, его поровну разделят между собой те, кто выдержит все испытания до конца. Победившая пара, которую выберете вы, уважаемые зрители, получит суперприз – один миллион долларов! Сто двадцать телекамер будут демонстрировать нашим телезрителям все перипетии этой увлекательной «робинзоны». В режиме «он-лайн» вы можете постоянно наблюдать за происходящим на нашем сайте – по адресу: дабл вэ, дабл вэ...»⁹.

– И о твоём, Странник, существовании вспомнили, – глубокомысленно усмехнулся чукча. – Призвали, так сказать, под профильные знамёна.

– Вспомнили и призвали. Только не «SV», а ФСБ. По крайней мере, официально это выглядело именно так. Интересно, а почему я был так уверен, что «SV» здесь не причём? Надо будет потом – в обязательном порядке – кое-что переосмыслить...

– Продолжай, брат. Думай.

Первые четыре месяца реалити-шоу проходило, что называется, в штатном режиме, без сучка и задоринки. Но в первых числах сентября месяца «рвануло». То есть, над горизонтом встало несколько разлапистых «грибов», с неба посыпался «снег» из тёплого пепла, через их славянскую деревню прошло мощное торнадо.... С маленького самолёта сбросили листовки, в которых значилось: – «Уважаемые россияне! В районе вашего проживания произошла мощная техногенная катастрофа! На территории района объявляется строгий санитарный карантин! Выход за пределы земельного участка, огороженного забором с колючей проволокой – строго запрещён! Все попытки несанкционированного ухода из заражённого ареала будут жёстко пресекаться – вплоть до физического уничтожения несознательных граждан! Срок действия санитарного карантина – один год, начиная с пятого сентября текущего года. Просим проявлять сознательность и благоразумие! Чрезвычайная временная Администрация».

То есть, безобидное реалити-шоу неожиданно преобразовалось в грубую реальность, и началась бесконечная череда-чехарда самых невероятных происшествий и событий. Попытка неудачного прорыва за пределы карантинной зоны. Гибель нескольких соратников. Появление злобных конкурентов и неизвестного гранатомётчика.... В пещере, где они поселились, был обнаружен ящик (якобы – со сбитого НЛО), который излучал неизвестные волны. По округе сновали шустрые красные аргентинские койоты, возглавляемые сумасшедшим Савелием. Угрожающе и плотоядно порывивали злобные медведи-шатуны. Зимой регулярно досаждали неправдоподобно-сильные снегопады. Весной началось ужасное наводнение.... А ещё у славян народились дети. У Егора и Александры – сынок Платон, названный так в честь погибшего цыганского барона. В самый неожиданный момент в деревне появились представители неизвестных спецслужб, намеривавшиеся – по поручению Руководства – отобрать младенцев.

⁹ – Об этом периоде жизни Егора Леонова рассказано в романе «Славянское реалити-шоу».

Пришлось – в срочном порядке – пускаться в бега. Целый комплекс извилистых пещер, случайно найденная Янтарная Комната, бурная подземная река, дальний цыганский хуторок...

В конечном же итоге оказалось, что имела место быть изощрённая и коварная мистификация. Вернее, это снимали телевизионный сериал – этакий гибрид между художественным фильмом и классическим реалити-шоу. Некоторые участники этого «спектакля» оказались профессиональными актёрами и актрисами, а все остальные использовались втёмную. И, самое удивительное, но автором и идейным вдохновителем данного нестандартного мероприятия являлась, как раз, жена Егора – черноволосая Санька, Сашенька, Сашенция...

– Подожди-ка, Странник – попросил Афанасий. – Как же быть с твоим очередным пробуждением? Мол, ты проснулся в крохотной цыганской хижине, а всякие автомобили и Жириновские пропали бесследно. А на плече у раненного Пугачёва сидел чёрно-белый кот Аркаша...

– Ерунда, – нахмурился Егор. – Просто они доснимали – втайне от глупых и доверчивых телезрителей, понятное дело – какой-то эпизод из предпоследней серии. Не более того. Продолжать?

– Конечно. Думай-вспоминай...

После этого дружно навалились мировая слава и очень большие деньги. А, вот, отношения с Александрой, наоборот, постепенно разладились. Она как-то очень, уж, быстро вписалась в новую атмосферу-обстановку. То есть, чувствовала себя в богемно-элитной среде – как шустрая плотвичка в проточной озёрной воде. Приёмы, визиты, ресторанные тусовки, многочисленные телевизионные интервью, фотографии на обложках глянцевого журналов...

Егору же вся эта суэта была глубоко противна и безумно раздражала. Он изо всех сил старался дистанцироваться от всех публичных мероприятий и предпочитал максимально много времени проводить дома. Они купили – с первого же серьёзного гонорара – коттедж на престижной Рублёвке. Егор посадил возле дома небольшой, но аккуратный сад, разбил несколько цветочных клумб, принялся – в одиночку, своими руками – возводить рубленую баньку. А ещё он постоянно возился-общался с Иришкой и Платоном, часто отпуская старенькую няню и молоденькую домработницу – в неуточное время – по домам.

Санька брезгливо морщила веснушчатый нос, чудачеств мужа не одобряла и надоедливо ворчала, что, мол, он избаловал всю прислугу. Впрочем, в подмосковном коттедже она появлялась редко – киношные дела-заботы требовали частых и регулярных поездок-перелётов: встречи с продюсерами и прокатчиками, студийная работа, обязательное посещение различных престижных фестивалей и форумов. Лондон, Париж, Нью-Йорк, Милан, Берлин, Токио...

В конце концов, Егор выдвинул жене жёсткий и колючий ультиматум, мол: – «Выбирай, дорогая! Либо – жизнь гламурная, либо – совместная семейная. Бросай-ка эту киношную байду. Даю тебе – на принятие окончательного решения – ровно месяц...».

После чего он улетел в Петропавловск-Камчатский. Там взял напрокат солидную моторную яхту и отправился в одиночное автономное плавание – вдоль скалистого камчатского побережья – на север.

На третьи сутки ему повстречалась старенькая алюминиевая лодка, в которой находились неприметные мужчина и женщина среднего возраста. Пассажиры «Казанки» сообщили, что, мол, вышли порыбачить, а тут неожиданно забарахлил подвесной мотор. Лодку – на длинном капроновом шнуре – закрепили за кормой яхты, а незадачливые рыболовы поднялись на её борт. У мужчины в руках находился странный саквояж, визуально похожий на докторский, только очень толстый и тяжёлый.

– Вот, собственно, и всё, – тяжело вздохнув, сообщил Егор. – Больше я ничего не помню.

– Наверное, тебе сзади дали по башке чем-нибудь тяжёлым, – предположил Афоня. – А потом напичкали хитрой химией. Или же что-то сделали с твоей головой с помощью электри-

чества. В тяжёлом чемоданчике мог – запросто – находиться соответствующий прибор, «усыпляющий» человеческую память. Всё просто, однако...

– Но, зачем они это сделали?

– Им велели, вот, они и сделали.

– Это, как раз, понятно, – хмыкнул Егор. – Но кому и чем я конкретно помешал?

– Воротилам мировой киноиндустрии, надо понимать. Серьёзный бизнес, как известно, не любит глупой и бесполезной суеты. А ты начал Александре ультиматумы выдвигать. Нервировать её. Уговаривать – вернуться к обычной жизни... Кто-то важный посчитал, что ты, Странник, лишний. Мол, мешаешься под ногами. Воду мутишь. Суету наводишь... Зачем ты нужен? А, как нас учил мудрый и прозорливый товарищ Сталин?

– Нет человека, нет и проблем...

– Верно всё понимаешь, однако.

– Зачем же такие сложности, а? Можно было меня по-простому убить, ещё в Москве. Например, инсценировав несчастный случай, или же – бытовое разбойное нападение.

– Знать, на то были веские и серьёзные причины, – состроил многозначительную гримасу старый чукча. – Может, это знаменитая актриса Александра Леонова выдвинула такое мило-сердное условие, мол: – «Не убивать моего мужа – ни в коем случае! Достаточно просто изолировать – на неопределённое время...». Что так гневно сверкаешь на меня глазёнками? Не веришь, что любимая супруга замешана в этом грязном и мутном деле? Твоё право, однако... Возможен и другой вариант. Тебя, беспокойного, могли «отложить про запас»...

– Это как?

– Да, обычно. Как банку свиной тушёнки – на верхнюю полку кухонного буфета. Мол, когда придёт голодный год, тогда и достанем.

– Поясни, пожалуйста, – попросил Егор.

– Возможно, что ты, Странник, потерялся. То есть, выражаясь по-научному, официально пропал без вести... А шоу-то продолжается. Не славянское, так какое-нибудь другое. Но – со временем – капризный телезритель утрачивает к нему живой интерес. Мол, слегка приелось, перца не хватает. И тут – в нужный момент – вспоминают про спрятанную «на чёрный день» банку с тушёнкой. В нашем случае, про тебя, Странник... Неожиданно, по-прошествии многих лет, ты найдёшься. Правда, потерявший память. Ну, и что с того? Наоборот, в самый раз. Симпатичная и свежая мелодраматическая нотка, могущая оживить весь спектакль в целом...

– Станный ты человек, шаман. Иногда говоришь – как дремучий чукотский оленевод, через каждую вторую фразу вставляя дурацкое «однако». А порой начинаешь сыпать заумными терминами и словечками – «воротилы мировой киноиндустрии», «изолировать», «мелодраматическая нотка»...

– Извини, какой, уж, есть, – обиделся Афоня, но тут же широко и беззаботно улыбнулся: – Ты, Странник, наблюдательный парнишка, однако.

– А, то! Я, ведь, в российской армии не дурака валял. Наоборот, старательно учился всякому, разному и полезному... У нас не осталось, случаем, «тундрового бальзама»?

– Осталось немного, – чукча склонился над вещмешком и выложил на базальтовый «стол» кружок копчёной колбасы. – Бери флягу. Разливай. Не смущайся.

– «Краковская»! – искренне обрадовался Егор. – Соскучился я по копчёной колбаске – за четыре-то года...

– На, держи! Наслаждайся благами цивилизации... Ну, за твою новую и счастливую жизнь! Каменному медвежонку скажи спасибо... Вспомнил, как он к тебе попал?

– Вспомнил. Вождь тлингитов подарил на Аляске. В восемнадцатом веке дело было. Недалеко от знаменитого Чилкутского перевала...

Чуть позже, со вкусом попыхивая чёрной курительной трубкой, Афанасий поинтересовался:

– Теперь, наверное, Странник, бросишься в побег?

– Почему – в побег? Просто уйду. Доберусь до Анадыря, там и определюсь с дальнейшим маршрутом.

– Просто, не просто.... В побег, во-первых, потому, что мыс Наварин – для тебя персонально – является своеобразной тюрьмой. Тебя поселили в эту хижину, преследуя конкретные цели и задачи. Как я уже говорил – «отложили про запас».... Первый год за тобой тщательно присматривали. В этот период я неоднократно наблюдал над древним шаманским кладбищем беспилотные самолёты, летящие к морю. Наверняка, оснащённые дельными кинокамерами и чуткими микрофонами. Потом неизвестные злодеи, видимо, решили, что ты никуда не денешься, и смягчили режим наблюдений. Сейчас они ограничиваются лишь ежемесячным «просвечиванием» мыса Наварин со спутника.... Во-вторых, каждый побег, как правило, сопровождается погоней, однако. Так что, Странник, готовься. Спокойной дороги не предвидится.... Кстати, у каждого побега – должна быть веская причина. Ты с каких пирожков собрался бежать? Зачем? Почему?

– Ни «зачем», а «от чего» и «куда», – уточнил Егор. – От загадочной и дурацкой неопределённости – к жене и детям. Я их люблю и хочу быть вместе с ними. Если Санька, конечно же, не вышла замуж за другого.... Тем более, надо спешить в Большой Мир. Выяснить, кто же меня определил сюда. И какие дальнейшие планы у этого «кого-то»....

– Поспешишь – людей насмешишь.

– Согласен, Афанасий Афанасьевич, согласен.... Но, ведь, ты мне поможешь? Подскажешь конкретный и разумный маршрут?

– Подскажу, конечно, – чукча ловко выбил потухшую курительную трубку о каблук кирзового сапога. – Мы же с тобой, Странник, «медвежьи братья», однако.... Поступим, пожалуй, следующим образом. Уходить тебе надо, только переждав грядущее новолуние. То есть, после очередного визита любопытного спутника, однако. Месяц – срок приличный, далеко убежишь. Если, конечно, сразу не пристрелят.... Кроме того, можно подумать и о замене. То есть, о сменщике....

– Ты о чём это сейчас?

– Не далеко, километрах в ста двадцати от старинного шаманского кладбища, находится стойбище Наргинауттонгетт. Его раньше называли – Гаймелькотт. В этом стойбище живёт один чукча – по имени Антип. Вернее, он только наполовину чукча. Его отец был русским, из проплывающих моряков. Но дело не в этом, однако. Главное, что Антип – и ростом и фигурой – слегка похож, Странник, на тебя. Борода и усы? Приделаем накладные, не вопрос.... Причём, слегка обгоревшие. Мол, нечаянно приключился сильный пожар. Для полноты картины сожжём часть дров – вместе с навесом, под которым они сложены. Типа – всё началось из-за коптильни. То есть, из-за злостного несоблюдения коптильного режима.... Переоденем Антипку в твою, местами палёную одежду. На нос напаялим чёрные очки. Мол, глаза чуток пострадали при пожаре, дымом и искрами подпортило.... Глядишь, и прокатит данная шутка. То бишь, даст тебе пару-тройку дополнительных месяцев. До тех пор, пока подмена не вскрыется.

– А что мне делать сейчас?

– Возвращайся к хижине. Живи, кушай, спи. Лови горбушу, ставь капканы на зайцев, охотись на уток и гусей. Размышляй, строй планы на будущее.... Я же подойду в конце месяца. Антипа приведу. Расскажу, что делать дальше. Куда идти. Кого искать. Что говорить....

Только утром тридцатого августа рядом с избушкой-землянкой появился улыбающийся Афанасий, за которым следовал рослый и упитанный чукча – с огромным рюкзаком за широкими плечами.

– Здравствуй, Странник! – приветливо поздоровался шаман. – Заждался, небось, торопыга?

– Приветствую! – поддержал мордатый чукча и, сбросив рюкзак на землю, принялся громко ругаться: – Каттам меркичкин¹⁰! Афоня – подлый и грязный обманщик! Говорил, мол, тут рядышком. А я, дурак, купился...

– И вам, путники, долгих лет жизни! – откликнулся Егор. – Что же вы так долго? Ново-луние было пять суток назад.

– Наглец ты, Петрович! – притворно возмущился Афанасий. – Сто двадцать километров – на своих двоих – в одну сторону. Столько же – в другую... А лет-то мне сколько? Не знаешь? Так, вот, знай. Девяносто шесть!

– Впечатляет. Беру своё недовольство назад и покорно извиняюсь.

– То-то же! Принимай, Странник, барахлишко. Примеряй. Завтра тебе отправляться в дорогу дальнюю...

Молодой чукча – по условному знаку шамана – извлёк из рюкзака и аккуратно выложил на трухлявое крылечко хижины чёрный матросский бушлат с блестящими латунными пуговицами, такие же суконные штаны, старенькую тельняшку и грубые ботинки со стоптанными каблуками. Поверх ботинок он пристроил потрёпанную бескозырку. По чёрной тулье бескозырки белыми буквами было обозначено – «Хапуга».

– Всё это богатство – мне? – насмешливо хмыкнул Егор. – Спасибо, конечно! Польщён, тронут и всё такое... А откуда у вас, уважаемые аборигены, взялась морская форма?

– Бартер, конечно, – заулыбался Антип. – Один матросик проплывающий рассчитался с моей сестрой двоюродной – за известные услуги интимного характера... Глупый человек, однако. Сёструха и так была на всё согласная и готовая. Ей, дура мнительной, чукчи никогда не нравились. Мол, узкоглазые, темнолицые, кривоногие, пахнет от них плохо. Типа – Ален Делон, Ален Делон не пьёт одеколон... А рыболовецкий сейнер «Хапуга» – после этого случая – пропал без вести. Пару месяцев тому назад. Ох, неспроста! Наверное, это мстительная Марьяна, разочаровавшись в определённых способностях русских мужиков, навела порчу...

– Хватит трепаться, Антипка! – незлобиво прикрикнул Афанасий. – Сходи-ка лучше к устью ручья. Полюбопытствуй – насчёт горбуши. Закол осмотри. Чай, не на курорт прибыл. Рыбачить-то тебе придётся... Иди уже! – дождавшись, когда молодой чукча отойдёт вдоль берега метров на пятнадцать, пояснил для Егора. – Дельный малый. Только разговорчивый – без всякой меры. Если его не остановить, то часа два – без перерыва – может балаболить. Видимо, пошёл в своего русского папку... Ладно, Странник, приглашай в землянку! Я, ведь, устал с дороги. Чифиря надо отведать – для качественного восстановления сил... Мою банку-то жестяную не выбросил? А для тебя прихвачена фляжка с «тундровым бальзамом». Только, на этот раз, маленькая фляжка. Сейчас не стоит излишне расслабляться. Время поджимает... Утолим – наскоро – жажду и поговорим. Антипа долго не будет. Он обожает наблюдать за морскими волнами. Часами может сидеть на берегу. Видимо, в матушку свою пошёл. Та тоже – мечтательная особа. Без всякой меры...

Шаман, воздав должное свежезаваренному чифирю, раскурил чёрную трубку на коротком чубуке, вырезанную из толстого корня вереска, и приступил к изложению диспозиции предстоящей кампании:

– Завтра в полдень из Анадыря выйдет солидный танкер. Нефтеналивное судно, выражаясь по-научному. Завезло осенне-зимний запас мазута и возвращается во Владивосток. Но, что характерно, с заходом в Петропавловск-Камчатский. Тебе, Странник, надо обязательно попасть на борт этого танкера.

¹⁰ – Каттам меркичкин – чукотское ругательство.

– Э-э-э... Петропавловск, – непонимающе забормотал Егор. – Я думал, что Анадырь расположен гораздо ближе...

– Ближе. Только, во-первых, в этом городке найдутся люди, знающие тебя в лицо. Матросы с «Проныры», предприниматель Иван Иванович Николаев. Ещё кто-нибудь, однако... Мы, конечно же, тебя коротко подстрижём, сбреем бороду и усы. У Антипа в рюкзаке имеется отличная опасная бритва. Старинная, ещё довоенная. Но мне почему-то кажется, что Анадырь – для тебя, Петрович – не самое козырное место... Во-вторых, из Петропавловска можно напрямую долететь до города Москвы. Из Анадыря же прямого рейса нет. Ты, ведь, в Москву собрался? Я ничего не путаю?

– В Москву, для начала...

– Эге! – понимающе усмехнулся Афанасий. – Знать, ты времени даром не терял. То бишь, старательно рассуждал, вспоминал и планировал... Ну, чего надумал-то?

Егор, раскурив новую сигарету, помолчал пару минут, покатав по скулам каменные желваки, пуская неуверенные табачные кольца к потолку, то есть, к старым моржовым шкурам, но, всё же, ответил:

– Сперва я хочу окончательно устаканить отношения с Санькой. Понять, любит ли она меня по-прежнему. Виновата ли в..., в моём заточении на мысе Наварин...

– Продолжай, Странник. Внимательно слушаю.

– Потом... Не знаю, честное слово, что потом. Всё зависит от разговора с Александрой. Только от этого. Может, она сразу же сдаст меня подлым поделщикам, которые, на этот раз, достанут пистолеты и не будут миндальничать...

– Прекращай бредить, – посоветовал старик. – Ты сам-то веришь в эту чушь? Не веришь? Уже хорошо. В том смысле, что не всё так безнадежно. Но... Я спрашивал не об этом. Где ты намерен прятаться? Не важно – вместе с семьёй, или же в одиночку... Так, где?

– Прятаться от жадных дельцов мировой киноиндустрии? От Квентина Тарантино?

– Дурак ты, Странник. Хотя и умный.

– Ты хочешь сказать..., – замялся Егор. – Что у всей этой истории есть двойное дно?

– Двойное, тройное, десятерное... Какая разница? Вот, сам посуди... Реалити-шоу внезапно превращается в реальность, которая постепенно начинает наполняться-заполняться совершенно нереальными вещами и самыми невероятными событиями. Потом приходит чёткое осознание, что во всём виноваты происки злонамеренных и наглых спецслужб. Мол, их очень интересуют дети, рождённые от родителей, подвергшихся облучению тайными космическими лучами. Так?

– Да, в какой-то момент я был железобетонно уверен, что мы имеем дело с экспериментами военных, целью которых является создание расы сверхчеловеков.

– Прямо – как в фантастических романах! – улыбнулся щербатым ртом Афанасий. – А потом, значит, оказалось, что просто ушлые голливудские ребята снимали коммерческое кино?

– Оказалось... Тебя что-то смущает?

– Настораживает слегка. В толстом многослойном пироге – можно многое спрятать. В том числе, крохотную горошину истины. Или маленькую перчинку чьего-то коварного умысла... Тебе, Странник, знакома – Анна Афанасьевна Сизых?

– Да, знакома, – насторожился Егор. – Эта женщина является (являлась?) одним из руководителей секретной международной службы «SV». Я общался с ней только два раза. Первый раз, когда возвращался из Прошлого. Второй, когда меня уговаривали принять участие в реалити-шоу «Живём – как в старину»... Ты знаешь Анну Афанасьевну?

– Знал. Это моя старшая сестра. По-настоящему её звали Айной... Помнишь, я тебе рассказывал про сталинских геологов? Про тех, которые нашли – недалеко от шаманского кладбища – богатейшую золотую жилу?

– Помню.

– Потом геологи уплыли на пароходе «Красный Октябрь». И Айна – вместе с ними. Навсегда... Как она жила в Большом Мире? Что делала? Чем занималась? Я не знаю... Но несколько лет назад я почувствовал, что Айны больше нет. Она умерла...

– Зачем ты мне рассказал об этом?

– Сам толком не знаю, – печально вздохнул шаман. – Теперь у тебя есть каменный медвежонок. У Айны тоже был. Значит, она может помочь тебе – разобраться во всей этой истории. До самого конца разобраться. Если, конечно, попросить её об этом.

– Ты же сам сказал, что Анна Афанасьевна умерла? – непонимающе нахмурился Егор.

– Сказал. Но её медвежонок – обязательно – перешёл к другому человеку. Бывает только так, и никак иначе. Понимаешь меня?

– Кажется, да... Значит, я должен разыскать этого человека?

– Попробуй, по крайней мере, – равнодушно передёрнул плечами Афанасий. – Ты же, всё равно, ничего не теряешь. Верно? Найди, пообщайся... И всё время старательно думай о заветном месте. О том, где будешь потом прятаться... Ладно, переходим к делам сегодняшним, приземлённым. К югу, километрах в тридцати от этой хижины, на морском берегу расположена маленькая рыбацкая деревушка. Прозывается – Пыжмой...

Наставления старика растянулись на добрый час. Егор внимательно слушал, а его подозрительный внутренний голос недоверчиво нашёптывал: – «Стоит ли, братец, так безоговорочно доверять данному туземному индивидууму? Память он, понимаешь, тебе вернул. Ну, и что из того? Может, так было предусмотрено сценарием... Опять же, шаман приходится родным братом покойной Айне Афанасьевне. Следовательно, тоже может иметь самое непосредственное отношение к этой противной и насквозь непонятной службе «SV»... Ведь, может? Вдруг, это их очередная гнилая разводка?».

– Забей и гони взашей, – неожиданно известил Афоня. – К чёртовой матери! То бишь, в обиталище Тёмных Теней.

– О чём это ты? Кого надо забивать и гнать?

– Забей на разнообразные сомнения. А к чёртовой матери гони – свой дурацкий внутренний голос. Он, на этот раз, ошибается в своих пессимистичных прогнозах...

Глава четвёртая

Побег. Первая фаза-стадия

Ранним погожим утром – солнечный диск ещё только чуть-чуть оторвался от тёмной линии горизонта – Егора разбудил Афанасий:

– Просыпайся, Странник! Пора собираться в дорогу. Пора. Время не ждёт. Дай-ка я взгляну на твою новую личину.... Без бороды и усов, да с короткими волосами, ты здорово изменился. С десятков годков сбросил. И общий облик у тебя сейчас – правильный. В том плане, что среднестатистический и полностью неприметный. С такой внешностью затеряться в пёстрой людской толпе – раз плюнуть. Теперь понятно, почему тебя – в своё время – определили в телохранители и секретные агенты. Знать, и с нужными документами не должно возникнуть особых проблем.... Справляй естественные надобности. Умывайся. Переодевайся в матросскую одежду. Следуй на завтрак. Я тут немного похозяйничал, извини...

На завтрак шаманом был предложен густой наваристый суп, основу которого составляли толстые макароны, говяжья тушёнка и желтоватое китовое сало.

– Ешь, Егор Петрович! Добавки обязательно накладывай, – настойчиво уговаривал Афоня. – Тебе нынче много сил потребуется. И ногами предстоит поработать, и руками.... Кушай, родной! Не изображай из себя скромницу-гимназистку...

– А где же Антип? – сыто икая и усердно работая алюминиевой ложкой, поинтересовался Егор. – Спит ещё?

– Со мной, пожалуй, поспишь. Как же. Не получится. Сколько не мечтай.... На ручье наш Антипка. Старенький закол подправляет. А зачем он тебе? Дело какое-то имеется?

– Нет, в общем-то. Я просто хотел с ним попрощаться.

– Из вежливости? Не стоит, Странник. Сейчас тебе надо думать о совсем других вещах. Об осторожности, о наблюдательности, о незаметности.... Поел? Тогда хватай рюкзак и следуй на выход. Пора...

На улице старик внимательно оглядел – с ног до головы – подопечного, пристально, с ленинской хитринкой заглянул ему в глаза и, по-доброму усмехнувшись, спросил:

– А что это за занятный стишок вертится в твоей умной голове?

– Да, так. Ничего особенного, – засмутился Егор. – Ты, Афанасий Афанасьевич, наемни всё толковал про всякие и разные Тени. Вот, как говорится, и наваяло...

– Давай, бродяга, излагай! Зачитывай с выражением. Чтобы я лучше понял и осознал.

– Может, не надо?

– Надо, Егорушка. Надо!

– Ну, если, хочешь...

Егор откашлялся и – как просили – зачёл:

Зелёная поляна
Как в сказке – Недотрога.
Рассвет ещё в дороге,
И Тени мирно спят.
На облаках огромных
Тихонько дремлют Боги,
Их храп красив и нежен,
Как лапы у котят...

Когда, сдвигая Тени,

По небу солнце мчится,
И раненой волчицей
Душа моя хрипит,
Тогда, уже под вечер,
Всегда и непременно,
Фантом Любви приходит,
Со мною говорит...

Фантом – Любви ушедшей,
Чья смерть – подобна крику...
Зелёная поляна
Вновь ягоды полна.
И Тени, без обмана,
Кусают землянику.
Любви сгоревшей Тени,
Ушедшей – навсегда...

После минутного молчания Афанасий, хмыкнув, подытожил:

– Красиво, однако. Даже завораживает слегка. Только, вот...

– Что-то ни так?

– Значит, уже окончательно попрощался со своей Любовью? Расставил все жирные точки – над крошечной буковкой «и»?

– Нет, конечно же, – неуверенно улыбнулся Егор. – Просто – дань ночным переживаниям. Ночь, как известно, очень мрачное и печальное время суток. Больше не буду – мысленно опережать реальность.

– Улыбаешься, Странник? Что же, неплохо. Вселяет некую надежду.... Ладно, проехали. Сочиняй стишки, сочиняй. Это дело хорошее и, однозначно, позитивное. Не каждому дано...

Когда Егор уже впрягся в рюкзачные лямки, старый чукча протянул ему толстую пачку денег.

– Зачем это? – брезгливо поморщился Егор. – Деньгами разжиться – в людном месте – не проблема. Я имею в виду, для подготовленного и опытного человека.

– Не сомневаюсь ни на секунду, – недовольно поморщился Афоня. – Все супермены – они такие. Ради пользы дела и на кровавый разбой способны. Но время нынче надо беречь. Да и рисковать – лишний раз – не стоит.... Бери, бери! Со мной потом Светлая Тень рассчитается сполна. На Небесах, понятное дело.... Всё мои наставления и советы помнишь, Странник? Куда идти, кого искать, что говорить?

– Помню, Афанасий Афанасьевич. Спасибо тебе за всё!

– Не стоит того. Я тебе помог. Ты – в свою очередь – поможешь хорошим людям. На этом и держится наш Мир.... Прощай, Странник! Иди! Да не оставит тебя в пути – Светлая Тень...

Примерно через пятнадцать-семнадцать километров путь ему преградила высокая горная гряда, обрывавшаяся прямо в серо-зелёное море.

– Чёрт, крутизна-то какая! – расстроился Егор. – Видимо, придётся делать крюк вдоль гряды, а потом подниматься – по крутому склону – до седловины. В такую тёплую погоду – удовольствие ниже среднего...

Он шёл по узкой извилистой тропе. Справа возвышалась обрывистая неприступная круча, слева громко шумел, спрятавшись в глубоком горном каньоне, невидимый ручей.

«Неуютное и однозначно-опасное местечко», – мысленно отметил Егор. – «То бишь, можно идти – либо вперёд, либо – назад. Путь в стороны заказан...».

Почувствовав – чутким спинным нервом – смертельную опасность, он мгновенно кинулся к круче и плотно прижался грудью к высоченному вертикальному валуну. И, как вскоре выяснилось, вовремя.

Сверху донёлся неясный шум, неуклонно переходящий в глухой ропот, после чего со скал хлынул каменный поток. Большинство камней пролетело мимо уступа, направляясь напрямиком в горный каньон, где шумел ручей. Но несколько крупных базальтовых валунов упало в непосредственной близости от того места, где всего несколько секунд назад находился путник.

– Что же это такое, а? – ошарашено прошептал Егор. – Случайно, в самом начале побега, нарвался на сторожевой пост? Или же мы имеем дело с самым обычным природным явлением? То бишь, с обыкновенным и естественным камнепадом?

Прошла минута, вторая, пятая... Ничего не происходило. Вокруг было тихо, только сонный ручей – в глубоком каньоне – продолжал о чём-то упрямо вздыхать-бормотать.

Наконец, посчитав, что опасность миновала, Егор отошёл от спасительного валуна на несколько шагов, задрал голову, с опаской посмотрел на кручу и неожиданно встретился взглядом с чьими-то янтарно-жёлтыми, немигающими глазами.

«Это же – матёрый горный баран!», – отметил высказыванием внутренний голос, долгое время молчавший, видимо, обидевшись на нелицеприятную отповедь чукотского шамана. – «Ничего страшного, братец! Рывкни-ка на него, рогатого!».

– Пшёл вон, братское чувырло! – угрожающе махнув рукой, громко крикнул Егор. – Рога ветвистые, наглецу, пообломаю!

Но баран оказался не из пугливых и не собирался никуда уходить. Неотрывно наблюдая за потенциальной жертвой, он правым передним копытом продолжал усердно раскачивать большой чёрный камень, выступавший из тела горного склона.

«Прицеливается, гад коварный!» – понял Егор и – что было сил – рванул вперёд по тропе.

Сзади угрожающе гремел-шумел очередной камнепад.

«Получается, что местные горные бараны людей совсем не любят», – глубокомысленно сообщил внутренний голос. – «А за что, собственно, их любить и уважать? Геологи, охотники, чукчи – все они – барана убить хотят... Как увидят, так сразу же и хотят. У горных баранов, мол, мясо вкусное, а рога очень красивые. Все люди хотят их повесить на стенку. Русские – в деревянных и кирпичных домах, чукчи – в ярангах... Бараны знают про это. Поэтому, когда видят внизу человека – тут же сбрасывают камни. Убить хотят, понятное дело. Всё, в общем-то, по-честному. Люди – баранов хотят убить, бараны – людей...».

Егор против такой необычной логики ничего не имел, но и к баранам-убийцам особой теплоты не испытывал. Не до того было, время (Время?) поджимало.

Вскоре он начал подниматься по крутому склону, намериваясь выйти на относительно-низкую седловину горной гряды. Подъём давался нелегко, жёлтое круглое солнышко припекало по-взрослому, пот лил – по лицу и спине – бойкими ручейками. Мокрый, как последняя полевая (тундровая?) мышь, укрывшаяся глубоко под землёй от голодного весеннего песка, он, всё же, выбрался на перевал и надолго застыл, поражённый открывшейся взгляду красотой.

Внизу, как на ладони, лежала широкая речная долина. Неизвестная полноводная река текла десятками отдельных проток-рукавов. Эти рукава причудливо пересекались-переплетались, то сливаясь в несколько широких, то опять разделяясь на десятки узких. Были видны многочисленные острова, каменистые старицы, белопенные пороги и полноценные водопады. На одной из проток наблюдался тёмно-бурый прямоугольник, видимо, охотничья изба. Возле места впадения реки в Берингово море виднелось несколько крохотных чёрных точек – искомая деревушка Пижма.

– Полный вперёд! – вволю налюбовавшись на изысканные природные пейзажи, объявил Егор. – Нас ждут – великие дела! – после чего несуетливо приступил к спуску – по горному склону – к речной долине.

Через час с небольшим он вышел к извилистой речной протоке, на берегу которой было возведено неказистое одноэтажное строение. Встречный ветерок неожиданно принёс неприятный аромат. Изба приближалась, гнилостный запах неуклонно усиливался, постепенно превращаясь в нестерпимую и гадкую вонь....

Вокруг избушки – в радиусе пятидесяти-семидесяти метров – вся земля была щедро покрыта останками битой птицы: уток, гусей, казарок, чаек и лебедей.

«Видимо, по поздней весне – во время прилёта в эти края птичьих стай – кто-то здесь веселился от души», – подумал Егор, старательно прикрывая нос рукавом матросского бушлата. – «И столько, гады жадные, набили перелётной птицы, что и местное хищное зверье все съесть не смогло. Но растащили – медведи, песцы и лемминги – недоеденные птичьи части по всей округе. Везде валяются полусгнившие крылья, головы и лапы.... Видимо, российская бизнес-политическая элита развлекалась прошедшей весной на тутошних речных просторах, не иначе. Простые люди не приучены – так гадить...».

Часам к четырём пополудни он подошёл к Пыжме – за хлипкой, полутораметровой по высоте сосново-еловой рощицей показались непрезентабельные, слегка покосившиеся чёрные избушки и два длинных серых барака, один из которых, по словам Афанасия, являлся местным магазинчиком. «Сельпом», как выразился шаман. Егор – в строгом соответствии с полученными инструкциями – спрятал приметную бескозырку в рюкзак и зашагал дальше.

Откуда ни возьмись, набежала целая свора облезлых, злобных и наглых собак. Блохастые псы, надсадно и хрипло гавкая, взяли незнакомого пешехода в плотное полукольцо и начали активное наступление, планомерно сжимая свои ряды.

Егору, волей неволей, пришлось вспомнить некоторые навыки, полученные – в своё время – в специализированном учебном центре, где готовили военных телохранителей и многопрофильных диверсантов – для активной работы в разных южных странах. Он поднёс ко рту ладони, сложенные рупором, и завыл – голодным пустынным волком. То есть, ливийским шакалом, как – в военной среде – было принято называть этих хищных животных.

Естественно, что чукотскую тундру пустынные волки никогда не посещали. Но на облезлых собак звуки, издаваемые Егором, произвели неизгладимое впечатление – жалобно и испуганно повизгивая, они мгновенно разбежались в разные стороны.

Возле закрытой двери сельпо терпеливо и скромно топтались различные безобидные личности – чукчи разного пола и возраста, несколько откровенных бичей и пожилой рыбак в потрёпанной зюйдвестке.

– В чём дело, народ? – вежливо поинтересовался Егор. – Почему не пускают внутрь честных граждан?

– Так это, обед у них, – ехидно откликнулся седобородый рыбачёк. – Трапезничать изволят.

Протиснувшись сквозь очередь, Егор подошёл к тёмно-коричневой двери и, громко постучавшись в филёнку, гаркнул:

– ФСБ России! Открывайте немедленно, мать вашу! Обыск! Считаю до десяти! В противном случае – прикажу взять магазин штурмом!

– Кто это такой шустрый и наглый? – поинтересовался из-за двери насмешливый басок. – Зачем же так пугать беззащитную и горькую вдовушку? Могу, ведь – чисто от женского испуга – и гранату швырнуть в форточку.

– Не надо, пожалуйста, гранату, – уже нормальным голосом уважительно попросил Егор. – Я, Лидия Львовна, от Афони-медвежатника. Поговорить требуется...

В стареньком замке надсадно проскрипел ключ, дверь приоткрылась, и басок начальственно велел:

– Ты, морячок, заходи. А всему остальному сброду – отойти от лабаза! Ещё дальше, так вас всех растак! Без муки, соли и брусничной настойки оставлю, морды наглые!

Лидия Ивановна оказалось женщиной низенькой – метр пятьдесят с кепкой, но очень массивной и широкоплечей.

«Натуральный гриб-боровик среднего возраста!», – восхитился впечатлительный внутренний голос. – «Чувствуется в здешней директрисе магазинчика недюжинная внутренняя сила. Такая барышня, действительно, может и гранату метнуть – через открытую форточку, и взбесившегося коня остановить на скаку.... А, вот, обстановка сельпо оригинальностью не отличается. Обшарпанный прилавок с допотопными деревянными счётами и пузатым стеклянным графином, грубые стеллажи с пакетами, мешками, банками и бутылками, на стене – поясной портрет Владимира Путина и толстый перекидной календарь.... А пахнет очень даже приятно. Хорошим табаком, свежеспеченным хлебом и цветочным разнотравьем. Ага, это приоткрытая кадушка с мёдом стоит в дальнем углу, возле голландской цилиндрической печи...

Захлопнув дверь, хозяйка магазинчика внимательно посмотрела – словно бы рентгеном просветила – на неожиданного посетителя и недоверчиво протянула:

– Ну, а что дальше? Много по нашей бескрайней тундре шастает... всяких беспардонных и наглых самозванцев. Мол, я от уважаемого Ивана Ивановича, а я – от самого Петра Петровича...

Егор, молча, протянул – на раскрытой ладони – светло-сиреневого кварцевого медвежонка.

– Это совсем другое дело, – тут же успокоилась Лидия Львовна. – Говори, матросик, что надо. Только покороче, пока мои покупатели не разбежались по делам.

– Мне нужна гребная шлюпка, – сообщил Егор, выкладывая на прилавок несколько крупных купюр. – В смысле, навсегда. А ещё банка с белой быстросохнущей краской и дельная кисточка.

– И только-то?

– Ага.

– Без всяких проблем, – игриво улыбнулась хозяйка магазина, выкладывая на прилавок солидный ключ. – На причале найдёшь лодку с широкой синей полосой вдоль бортов, отомкнёшь замок. Вёсла лежат в шлюпке. Краски и кисточки найдёшь на правом крайнем стеллаже. Бери, что приглянётся. Причём, сколько захочешь.... Кстати, мужчина проходящий, не заглянешь ли вечером в гости к горемычной вдове? Грусть-скуку, так сказать, слегка развеять? Перекинемся в подкидного дурачка, водочки выпьем под олений копчёный язычок, то, да сё. Может, если всё сложится, то и пупками старательно потрёмся...

– Извините, но не смогу, – построил расстроенную физиономию Егор. – Очень тороплюсь, дела.

– Жаль, конечно. Вот, тебе, торопыга, полиэтиленовый пакет. Складывай в него выбранные краски-кисточки.

Через пять-семь минут, когда Егор уже собрался уходить, Лидия Львовна, чуть помявшись, поделилась некоторыми сомнениями:

– Напрасно ты, путник, при Пыльном говорил – и про ФСБ, и про Афоню-медвежатника.

– Кто такой – Пыльный?

– Тот разговорчивый седобородый мужик у входа в магазин. Который одет в старенькую зюйдвестку.

– Он рыбак? – уточнил Егор.

– Если бы, – тяжело вздохнула директриса. – Соглядатай со стороны. А, вот, чей конкретно соглядатай – непонятно. Но от него – в любом раскладе – стоит ждать серьёзных неприятностей, – после короткой паузы добавила: – Пыльный живёт в халупе, крыша которой обтянута новехонькими моржовыми шкурами. Она стоит на отшибе, в трёхстах метрах от причала. Один живёт... Если Пыльный пропадёт, то об этом никто из наших не пожалеет. Да и искать его не будут. По крайней мере, местные жители... Это я так, к слову пришлось. Не бери лишнего в голову. Всё, иди, морячок. Дверь не закрывай, пусть народ заходит... Удачи!

Егор – с полиэтиленовым пакетом в руках – вышел на магазинное крылечко и, гостеприимно махнув рукой, предложил:

– Заходите, любезные гуманоиды и пролетарии! Тратьте ваши денежки, честно заработанные в поте лица...

«А Пыльного-то среди потенциальных покупателей нет!», – взволнованно доложил внутренний голос. – «Ага, вон среди избушек мелькает бурая спина. Знать, к дому, подлый стукач, спешит-торопится. Зачем? По какой причине? Надо бы, братец, подстраховаться...».

Выждав несколько минут, Егор бодрым шагом отправился в сторону моря. Вскоре он высмотрел отдельно-стоящую избушку и, после секундного колебания, направился к ней, предусмотрительно заходя со стороны, где не было окна.

Егор, предварительно оглядевшись по сторонам, завернул за угол и, насторожённо прислушиваясь, замер перед чуть приоткрытой дверью. Из внутреннего помещения хижины доносился неясный подозрительный шум – словно бы кто-то с трудом передвигал по деревянному полу какой-то тяжёлый предмет, например, громоздкий посудный буфет.

«А если – дверные петли заскрипят?», – засомневался осторожный внутренний голос. – «Может, ну, его, братец? То бишь, неоправданный риск? Пошли-ка к причалу. Сядем в лодочку, да и поплывём, благословясь, по заранее намеченному маршруту...».

Тихонько вздохнув и положив на землю полиэтиленовый пакет с банкой краски и кисточкой, Егор, взявшись обеими руками за дверной торец, чуть надавил на него и осторожно повернул. Петли покладисто промолчали, дверь послушно отворилась, и он, стараясь передвигаться абсолютно бесшумно, прошёл внутрь строения.

Хрипловатый голос монотонно и нудно повторял:

– Ноль-шестнадцатый вызывает ноль-первого. Ноль-шестнадцатый вызывает ноль-первого... Повторяю, шестнадцатый вызывает первого. Чёрт бы вас всех побрал! Отзовитесь, мать вашу! Ноль-шестнадцатый вызывает ноль-первого...

«Эх, знать бы ещё, кто скрывается под позывным «ноль-первый», – подумал Егор. – «То есть, какую конкретную спецслужбу он представляет. Как бы дров, ненароком, не наломать...».

Через несколько минут Пыльному надоели бесполезные голосовые упражнения. Он нервно щёлкнул каким-то тумблером, потом – судя по характерным звукам – закурил, после чего принялся негромко разговаривать сам с собой:

– Вот же, уроды ленивые, мать их. Тут фигурант нарисовался, а они на связь не выходят. Причём, фигурант – с совершенно-осмысленным взглядом, разговорчивый, без усов и бороды... Что это может означать? И почему, интересно, нельзя пользоваться мобильной связью? А? Кто-то сможет перехватить и подслушать? Но, ведь, на этот случай и существуют разнообразные шифры и коды. Не говоря уже об Эзоповом языке... Ретрограды хреновы! Не хотят, морды заскорюзлые и дремучие, идти в ногу с прогрессом...

Всё (или, по крайней мере, очень многое), стало ясным и понятным.

«Надо его обязательно убить!», – буквально-таки взвыл нервный внутренний голос. – «Доложит, сука, по инстанции, объявят широкомасштабную облаву... Нельзя этого допустить! Может, стоит предварительно допросить господина Пыльного? Мол: – «На кого работаешь, гнида позорная? Кому стучишь, дрянь разговорчивая? Кто твой хозяин? Назови все пароли и

явки!»... Было бы, конечно, совсем неплохо. Только со временем у нас туго. Пора выплывать. Опять же, если Пыльный является битый профессионал, то на его «раскол» уйдёт ни один час. Шум, какой-никакой, но поднимется... А труп соглядатая надо будет – уже по темноте – загрузить в шлюпку, отвезти подальше от берега и, предварительно привязав к ногам что-нибудь тяжёлое, утопить...».

Егор, отбросив все сомнения, бросился вперёд. Прыжок, удар... Но лёгкой победы не получилось. Пыльный оказался малым шустрым и хорошо тренированным. Защитные блоки, встречные удары, треск убогой мебели, разлетавшейся на составные части и на разноразмерные острые щепки...

Только через сорок-пятьдесят секунд (время – для схватки на замкнутом пространстве – очень солидное!) Егор склонился над поверженным неподвижным телом и, обтирая с разбитой губы кровь, уважительно пробормотал:

– Да, крепкий попался мужичёк, обученный... Или же это я так постарел? Вернее, растерял квалификацию и профессиональные навыки за четыре года вынужденного простоя? Впрочем, как известно, хрен редьки не слаще... Зато вы, уважаемый внутренний голос, снова ошиблись – с конкретным предложением. То бишь, дожидаться темноты и топить хладный труп в море, судя по всему, не придётся...

В деревянном полу халупы наличествовал распахнутый квадратный люк, рядом с которым располагался большой, окованный полосами чёрного железа сундук.

– В подполе наш господин Пыльный и прятал шпионскую рацию, – дополнил свой последний постулат Егор. – А люк, предварительно захлопнув крышку, этим сундучиной и задвигал. Не удивлюсь, если в сундуке – для пущей тяжести – сложены самые обыкновенные булыжники...

Сбросив мёртвое тело Пыльного в тёмный проём люка, Егор подошёл к рации.

«Этот легкомысленный дурик так и не ушёл с переговорной волны!», – обрадовался внутренний голос. – «Запомни-ка её, братец. Как говорится, на всякий пожарный случай. Понятное дело, что нам с тобой неизвестен секретный код входа на приватный режим... Ничего страшного! Можно, смеха ради, выйти на этой волне в открытый эфир и наговорить неизвестному противнику – при случайных свидетелях – всякой гадости. Или же – ненароком – слить качественную дезинформацию...».

Скинув тёмно-зелёный параллелепипед рации вслед за её хозяином, Егор перевёл крышку люка в рабочее положение и – не без труда – задвинул её тяжеленным сундуком. Отдышавшись, он внимательно осмотрелся и около поломанного стола обнаружил здоровенный навесной замок со вставленным в него ключом.

Покинув хижину, Егор аккуратно притворил входную дверь, вставил дужку замка в солидные чугунные петли, повернул ключ до упора, вынул его из замка и положил во внутренний карман флотского бушлата.

«Правильно, братец, правильно!», – сытым сибирским котом довольно промурлыкал внутренний голос. – «Очень рачительно и дальновидно. Потом выкинешь ключик в морскую пучину... Эх, надо было нашей ушедшей Лидии Львовне ещё дать шаманских денежек, чтобы она тёмной ночью спалила эту избушку – до самого основания...».

Нужную шлюпку – с широкой синей полосой по бортам – Егор нашёл почти сразу. Он, предварительно вставив вёсла в уключины, отомкнул замок, положил его на причальные доски, забросил в шлюпку длинную железную цепь и рюкзак. Потом, слегка оттолкнувшись ногой от причала, забрался в лодку сам, устроился на передней шлюпочной «банке» и активно заработал вёслами.

«На берегу не наблюдается ни единой души. Только парочка местных облезлых псов бродит в отдалении. Что просто замечательно», – отметил про себя Егор. – «А время-то уже позднее, надо поторапливаться...».

Солнышко, действительно, уже приближалось к линии горизонта. Западный край неба задумчиво пылал малиновым и алым. Ветер стих, низкие морские волны выглядели совершенно мирными и безобидными. Егор сбросил бушлат, тельняшку и погрёб уже по-настоящему, крепко упершись ногами в специальную планку на дне шлюпки и работая – в основном – продольными мышцами спины.

«Давай, давай, трудись! Не сачкуй, братец! Вкальвай от души!», – насмешливо командовал вредный внутренний голос. – «Нам надо пройти то ли семнадцать километров, то ли все восемнадцать...».

Закат уже печально догорал – гигантским кристаллом тёмно-фиолетового аметиста – когда шлюпка вошла в устье бурной реки и ткнулась носом в узкую каменистую косу.

Егор ловко спрыгнул на мелкую чёрную гальку и, сильно потянув за железную цепь, вытащил лодку – на одну четверть корпуса – на пологий берег. После этого он, собрав вдоль речного русла вдоволь сухих веток и коряжин, развёл яркий костёр, наскоро перекусил и приступил к малярным работам. На носу шлюпки Егор крупными аккуратными буквами вывел – «Хапуга». Чуть ниже – более мелкими – «Анадырь».

Минут через пятьдесят он указательным пальцем осторожно потрогал плоды своих трудов и удовлетворённо констатировал:

– Краска, действительно, оказалась быстросохнущей. Продолжим наши процедуры...

Егор достал из бокового кармана рюкзака холщовую тряпицу, слегка намочил её в морской воде, зачерпнул с самого края кострища чёрных угольков и тщательно – в течение пяти-семи минут – промокал-протирал свежую надпись.

«Пожалуй, хватит!», – авторитетно заявил внутренний голос. – «Красиво получилось. Как будто эти букочки рисовали лет шесть-семь тому назад. А сейчас можно ещё немного перекусить, и чуток вздремнуть...».

Когда на востоке чуть заметно начало сереть, он забросил в лодку рюкзак, столкнул её с каменистой косы, запрыгнул сам, сел на вёсла и выгреб на самую середину речного потока, впадающего в море. После чего перестал работать вёслами.

– Афоня говорил, что так надо, – объяснил своё поведение тусклым утренним звёздам Егор. – Мол, сильное речное течение вольётся в нужное морское течение. А то – в свою очередь – само вынесет нашу шлюпку к запланированному месту...

В положенное время пришёл рассвет, взошло ласковое и приветливое солнышко, утренняя дымка постепенно рассеялась. На северо-востоке – прямо по курсу лодки – появились два тёмных, слегка размытых пятна. Вскоре между ними возникла крохотная чёрная точка, которая с каждой прошедшей минутой визуальнo увеличивалась.

«Не обманул-таки шаман Афанасий, молодец!», – обрадовался внутренний голос. – «Это же обещанный танкер проходит узким проливом между двух островков. Пока всё идёт – как по маслу.... Ура!».

Когда до встречного нефтеналивного судна оставалось метров сто пятьдесят, Егор поднялся на ноги и, отчаянно размахивая руками, завопил во весь голос:

– Стойте! Помогите! Спасите! Сос!

В ответ – через секунду-другую – прогремел выстрел...

Глава пятая

Камчатские зарисовки с натуры

Звук, произведённый выстрелом, получился очень громким и резким, даже уши чуть-чуть заложило, а сердце – от неожиданности – трусливо убежало в пятки. Впрочем, уже через мгновение скользкая ситуация получила вполне логичное объяснение – с борта судна в небо взметнулась ярко-красная ракета.

«Фу, блин морской!», – облегчённо выдохнул внутренний голос. – «А я-то уже, грешным делом, подумал – чёрт знает что. Мол, кранты приходят нашей несчастной деревушке.... Интересно, а кому предназначена эта яркая ракета? Что, собственно, она обозначает? Очень – интересно...».

Танкер, на борту которого гордо значилось – «Генерал Громов», естественно, остановился не сразу. Аккуратно обойдя шлюпку стороной, он прошёл ещё добрых триста-четыре метра и только после этого замер. Так что, Егору пришлось снова братья за вёсла.

С борта судна сбросили стандартный штормтрап и мужественный голос велел-известил: – Обмотай лодочную цепь за нижний брусок трапа и поднимайся. Шлюпку мы чуть погодя затащим на борт.

Егор с цепью возиться не стал и, ловко перебирая ногами по деревянным планкам лесенки, начал подъём. Чего-чего, а взбираться по штормтрапам и разным верёвочным лесенкам ему в жизни, богатой на самые невероятные приключения, приходилось бессчётное количество раз. Определённый навык и богатейший опыт, что называется, имелись.

И полутора минут не прошло, а он уже стоял на давно некрашеных досках верхней палубы.

– Шустёр ты, найдёныш! – одобрительно заявил рыжебородый кряжистый тип, обладатель внешности-облика классического корабельного боцмана. – А шлюпка-то твоя – уплывает. Не понял. Почему? Как же так?

– Ну, её, дуру! Надоела за два месяца, – легкомысленно хмыкнул Егор. – Не извольте беспокоиться, господин боцман. Из-за неё, заразы, всё и случилось-приключилось. Пусть ещё немного поплавает – по морям и океанам...

– Тебе, браток, конечно, виднее, – состроив неодобрительную гримасу, откликнулся рыжебородый собеседник. – Как скажешь, так и будет. Нам только лучше. Не придётся возиться с лебёдкой и талями... Меня Фёдором кличут. А тебя, путешественник?

– Егором.

– Очень приятно. Давай-ка краба... Сильные у тебя, приятель, пальцы! Прямо-таки – железные... Э, да ты с пропавшего «Хапуги»! Вот, так-так! Сюрприз, ёлочки зелёные, сосёнки точёные... Что с вами произошло-то? Где сам кораблик? Куда подевалась остальная команда?

– Не знаю, – честно признался Егор. – Я от сейнера отбилась ещё на Бабьих островах. Зашли, понимаешь, набрать свежей водички и прочего, встали возле берега на якоря, спустили две шлюпки. На одной пацаны пошли за водой. А я на второй поплыл на соседний остров, где располагался огромный и очень шумный птичий базар. Ну, разведать – на предмет разной халявы, полезной в корабельном хозяйстве. Доплыл, понятное дело, разведал... Потом на море – резко – опустился густой туман. Странный такой, очень плотный – навроде фруктового магазинного желе. Бело-серый, клубящийся, слегка похожий на «живую» вату. Всё звуки в нём тонули, как... Трудно объяснить. Тонули, короче говоря, и всё на этом...

– Да, понимаю я, не напрягайся, – заверил боцман. – Бабы острова – место известное и знаменитое. Про них чего только не рассказывают... Только, вот, сами бабы – Бабы острова – никогда не посещали. Это известно достоверно и однозначно. С чего же тогда образова-

лось такое дурацкое и бессмысленное название? С каких таких непонятных радостей? Никому точно неизвестно.... Продолжай, найдёныш, продолжай.

– Я и говорю, мол, неожиданно на море опустился плотный серо-белый туман. Не отважился я по нему плыть обратно, решил чуток переждать. Сколько ждал? Трудно сказать, часов то не было при себе. Наверное – по ощущениям – часов пятнадцать-двадцать.... Потом туман понемногу рассеялся, я уселся на вёсла и погрёб. Подхожу к тому месту, где «Хапуга» стоял на якорях, а там пусто. В смысле, только морские волны плещут. Пропал сейнер – без единого следа. Искал, звал, бесполезно всё. Потом навалились шторма...

– Вот же, тушёнка протухшая! Удивительное дело!

– Удивительное, – подтвердил Егор и поинтересовался. – А для кого это вы – совсем недавно – запустили в небо красную сигнальную ракету?

– Понятия не имею, – тут же заскучал Фёдор. – Старпом, приоткрыв дверь, пальнул из ходовой рубки. Зачем? Не знаю. У него и спрашивай.... Пошли, мореплаватель, я тебя провожу в нашу кают-компанию. Кок чаю-кофейку притащит. А я схожу – разбуджу капитана. Он только часа полтора, как сдал вахту помощнику. Спит, наверное, без задних ног. Умаялся, лавируя между тутошними островами. Но с таким необычным гостем, безусловно, он захочет пообщаться...

Кают-компания танкера оказалась на удивление комфортабельной – всюду шпон красного дерева, наборной изысканный паркет, шикарные кожаные диваны и кресла, просторный стол с палисандровой столешницей, разлапистые пальмы в широких кадках, авторские офорты и морские пейзажи на стенах.

Фёдор, ободряюще подмигнув, ушёл. Через несколько минут распахнулась дверь морёного дуба, и пожилой узкоглазый повар с белоснежным колпаком на голове, слащаво улыбаясь, водрузил на палисандровую столешницу элегантный серебряный поднос. На подносе располагалась фарфоровая чашечка, над которой поднимались белёсые струйки пара, молочник, сахарница и плоское блюдо с овсяным печеньем. Покончив с этой процедурой, кок, молча, низко поклонился, развернулся и покинул помещение, аккуратно притворив за собой дверь.

Егор, сбросив с плеч рюкзак, присел на низенький кожаный диван, взялся пальцами за изогнутую ручку, осторожно поднёс фарфоровую чашечку к губам и сделал крохотный глоток.

«Отличный кофе!», – одобрил внутренний голос. – «Ароматный, крепкий! Сахара и молока, пожалуй, совсем не требуется. Чтобы не испортили вкуса.... Странно это всё, братец. Что – конкретно? Да, собственно, всё.... Откуда на рядовом нефтеналивном судне взялась такая неправдоподобно-шикарная кают-компания? А кому предназначалась сигнальная ракета? Боцман какой-то...чрезмерно приветливый и доверчивый. Узкоглазый повар-кок, и вовсе, отдельная история. То ли японец, то ли кореец. И, судя по мягкой походке, гибкому телосложению и характерным пальцам-ладоням, он является опытным мастером карате-до. Причём, мастером очень высокого дана¹¹. Тебе всего этого мало? Интересуешься конкретными версиями-предположениями? Пожалуйста.... За данными нестыковками, по моему скромному мнению, стоят приснопамятные воротилы мировой киноиндустрии. Это они и организовали твой – так называемый – побег. Как это – зачем? Естественно, снимают очередные серии фильма о судьбах главных героев знаменитого реалити-шоу «Живём – как в старину».... Встроенных кинокамер и микрофонов, правда, нигде замечено не было – ни в скромной хижине-землянке на мысе Наварин, ни в деревушке Пыжма, ни на этом «Генерале Громе». Как, впрочем, и беспилотных самолётов, которые в прошлый раз использовались очень широко.... Но это ещё абсолютно ни о чём не говорит. Прогресс, как говорится, не дремлет, а, наоборот, неуклонно и поступательно двигается вперёд. То бишь, семимильными шагами.... Кстати, а зачем же ты, дурилка картонная, представился корабельному боцману –

¹¹ – Дан – в карате – аналог «спортивного разряда».

«Егором»? Неосторожно это, братец. Непрофессионально! Впрочем, если ты, действительно, находишься «под колпаком», то это уже не имеет никакого значения...».

В кают-компании, тем временем, появился ещё один приметный персонаж – высокий, светловолосый и голубоглазый мужчина «под пятьдесят» с волевым лицом нордического типа, украшенным брутальным подбородком-кувалдой. Незнакомец был облачён в чёрную морскую форму, на его ногах красовались чёрные же, начищенные до зеркального блеска остроносые ботинки, только, вот, цветастый платок на жилистой шее несколько выбивался из образа классического морского волка, внося ярко-выраженную нотку пошлого декадентства.

– Шкипер Воронин! – вежливо представился мужчина. – Да вы, Егор, сидите! Пейте кофе. Не надо вскакивать, как на пружинах. Мне боцман – в общих чертах – уже рассказал о вашей необычной истории.

Воронин небрежно, закинув ногу на ногу, развалился в кожаном кресле самого антикварного вида, достал из стильного кожаного портсигара длинную светло-коричневую сигарету и громко щёлкнул квадратной зажигалкой в позолоченном корпусе. Через пару секунд по кают-компанию начал распространяться чуть сладковатый цветочный аромат.

Егор – в ожидании разговора – благоразумно молчал, а его внутренний голос надоедливо делился наблюдениями-впечатлениями: – «Да, какой из этого вальяжного типа – капитан российского танкера?! Так его растак?! Не, внешность-то у Воронина подходящая – форма, что называется, с иголки, безупречный русский пробор, аккуратные усы и борода, мужественный взгляд... Но, манеры, мон шер, манеры? Разве может уважающий себя капитан так пошло забрасывать ногу на ногу? А эта дурацкая длинная сигарета с откровенно-дамским ароматом? Данный индивидуум, голову даю на отсечение, ряженный! Такие замашки и цветастые шейные платки характерны – в первую очередь – для всяких там зажавшихся политологов и режиссеров заштатных драматических театров... Боцман Фёдор говорил, что, мол, капитан судна ужасно устал и завалился спать? Полный и однозначный бред! На лощёной физиономии этого салонного щёголя нет ни малейших следов – как усталости, так и сна...».

Манерно затушив окурочек о бортик стильной мраморной пепельницы, Воронин, наконец-таки, соизволил перейти к беседе. Солидно откашлявшись, он попросил:

– Поведайте-ка, милейший, ещё раз – лично для меня – подробности вашего... э-э-э, приключения.

Егор вновь начал вдохновенно и – на этот раз – развёрнуто врать-рассказывать: о плотном и загадочном бело-сером тумане, о шумном птичьем базаре, о внезапном исчезновении сейнера «Хапуга»... Когда повествование дошло до череды жестоких и безжалостных штормов, обрушившихся на далёкие Бабы острова, Воронин невежливо прервал чрезмерно-увлечённого рассказчика неожиданным вопросом:

– Толик Иванов, шкипер «Хапуги», он как чувствовал себя перед этим... э-э-э, происшествием? Острый радикулит, часом, его не беспокоил?

– Не знаю, о ком вы говорите. Нашего капитана звали – Волосюк Леонид Климович, – «сделав» удивлённые глаза, ответил Егор, получивший нужную и своевременную информацию от шамана Афонии. – Ошиблись вы, наверное. Перепутали что-то.

– Может, и ошибся. Может, и перепутал. Спорить не буду... А почему, молодчик, у тебя лицо совсем даже не измождённое и ничуть не похудевшее? Чем ты питался эти два месяца?

– Так, господин капитан...

– Шкипер!

– Так, господин шкипер, Бабы острова, они богаты на всякую съедобную живность. И яйца птичьи ещё были, и птенцов в гнёздах сидело – без счёта. Про рыбу я уже не говорю. В тамошних ручьях её обычными камнями можно добывать. Подбил и выдавливай питательную икру – из толстого рыбьего пуза – прямо в рот...

– Хорошо, я понял. Подробности не требуются, – брезгливо поморщился Воронин. – Свободен, матрос. Твоя каюта – под номером «шесть». Дверь открыта, постель застелена. По коридору направо, потом налево. Отдыхай, спи. Захочешь кушать – найдёшь кухню. Повар предупреждён...

Вежливо поблагодарив капитана, Егор покинул кают-компанию, нашёл нужную каюту, не раздеваясь, завалился на койку и мысленно признал правоту собственного внутреннего голоса: – «Этот Воронин, безусловно, является ряженым цирковым клоуном. Во-первых, выпить не предложил. Это не по-моряцки. Во-вторых, его странно-нездоровая любовь к эпитету «скипер». В-третьих, не может прожженный капитан дальнего плавания употреблять – в разговоре с коллегой по ремеслу – такие слова, как «постель» и «кухня». Для этого существуют чёткие термины – «койка» и «камбуз». В-четвёртых...».

Додумать эту мысль до конца он не успел – по причине внезапно-навалившегося сна...

Плавание до Петропавловска-Камчатского прошло спокойно и благостно, то есть, без каких-либо – значимых и незначимых – происшествий. Погода стояла отличная, дул умеренный попутный ветерок, а на Егора никто не обращал ни малейшего внимания. Он без толку слонялся-болтался по верхней палубе, спал в своей каюте, ел на камбузе – в компании молчаливого кока, который оказался вовсе не японцем, а, наоборот, чистокровным бурятом, и никакого отношения – по его же собственным словам – к восточным единоборствам не имел.

«Пой, ласточка, пой!», – мысленно ухмылялся Егор. – «Врун ты, дружок, хотя и сенсей¹².... И, вообще, всё как-то не правильно! Почему никто не пристаёт с докучливыми расспросами? Получили соответствующие указания от псевдо капитана танкера? Да, ситуация, так его растак...».

«Генерал Громов» подошёл к Петропавловску около девяти часов утра.

«Очень удобное время!», – решил Егор. – «Если повезёт, то уже вечером-ночью сядем в самолёт и – вжик! Прямо до Москвы. Может быть...».

Сперва над горизонтом поднялся величественный конус вулкана, увенчанный белой шапкой снегов. Потом перед танкером открылся вход в Авачинскую бухту, на одном из берегов которой и располагался город.

«Нормальный такой городок», – приступил к комментариям начитанный внутренний голос. – «Разместился он по склонам трёх покатых сопок – Мишенной, Петровской и Никольской. Есть и высотные дома, в основном, панельные пятиэтажки. Но много и частных малоэтажных строений, сбившихся в компактные районы и райончики... Честно говоря, бухта особого впечатления не производит – весь берег усеян гниющими водорослями, над разнокалиберными мусорными кучами кружат стаи наглых упитанных чаек, по морю гуляют, хищно облизывая ржавые корабельные скелеты, светло-жёлтые волны. Очень грустное и откровенно-пессимистичное зрелище, сами собой возникают ассоциации, связанные со старым заброшенным кладбищем...».

Прощание с командой танкера получилось холодным и коротким. Егор, молча, обменялся крепкими рукопожатиями с боцманом Фёдором и с невозмутимым бурятским коком, а со скипером Ворониным – лишь вежливыми взаимными кивками. Впрочем, внятно поговорить о чём либо, всё равно, не представлялось возможным – по причине устойчивого и навязчивого шума. Надсадно гудел старенький портовый кран, местами покрытый толстым слоем коричневой ржавчины, солидно пыхтел невидимый тудяга-буксир.

Егор, нацепив на плечи рюкзак, по длинным сходням спустился на берег и приметно-характерной матросской походкой, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, направился к выходу в город. Он, с любопытством вертя головой, шёл мимо пяти и десятитон-

¹² – Сенсей – в восточных единоборствах – мастер, тренер.

ных разноцветных контейнеров, солидных транспортных платформ с самой разной техникой, и деревянных поддонов, плотно нагруженных разнокалиберными тюками и джутовыми мешками.

«Не торопись, братец!», – посоветовал проснувшийся внутренний голос. – «У опытных диверсантов и разумных рыцарей плаща и кинжала существует золотое правило: – «Находясь в малознакомом месте, никогда не пори горячку. Сперва осмотришься, старательно принимаешься, послушай местные новости, слухи и сплетни. И, лишь, после этого – начинай действовать...». Согласись, что данный принцип – весьма разумный и взвешенный... А, ведь, всем хорошо известно, что именно морской порт является идеальным местом для сбора первичной информации. Да, кстати, нужно ли выставлять на всеобщее обозрение такой приметный головной убор? Того и гляди, начнутся ненужные расспросы, поднимется нездоровый ажиотаж...».

Признав правоту голоса, Егор торопливо спрятал бескозырку с надписью «Хапуга» в рюкзак и ещё полтора часа провёл в порту. Он неторопливо перемещался от причала к причалу, внимательно рассматривая спящие океанские суда, полной грудью дышал солёным морским ветром и разговаривал-общался со встретившимися докерами и моряками. Но ничего заслуживающего внимания так и не услышал.

Философски передёрнув плечами, Егор направился к портовым воротам, повернул за очередной ряд контейнеров и тут же отпрянул назад – метрах в тридцати пяти, возле старого неработающего бульдозера о чём-то оживлённо разговаривали два человека. Одним из них был шкипер Воронин. А, вот, второй...

«Это же тот самый гад!», – прозрел внутренний голос. – «Помнишь, братец? Четыре года тому назад, одинокая яхта, на её борт поднимаются мужчина и женщина средних лет, у мужчины в руках находится громоздкий саквояж, слегка напоминающий медицинский... Вот, так встреча! Убей его, подлеца! Выследи, напади в безлюдном месте и сверни голову на сторону – как в дешёвых голливудских боевиках. Чтобы шейные позвонки громко хрустнули и разошлись... Впрочем, не стоит. Это будет уже откровенным перебором. Один труп – в Пижме, второй – в Петропавловске. Не надо превращать производственную необходимость – в бездумную кровавую тенденцию. Так можно – незаметно для самого себя – превратиться в самого натурального монстра...».

Егор незамедлительно покинул территорию морского порта и, вскинув вверх правую руку, остановил машину – неприметный грязно-белый «жигулёнок».

– Куда, матросик? – поинтересовался пожилой шофёр, такой же неприметный, как и его автомобиль.

– На Капай¹³, – демонстративно-небрежно откликнулся Егор. – Триста рублей хватит?

– Триста? Сразу видно, матросик, что ты неместный. За такие огромные деньжищи я тебя по всему Петропавловску провезу, причём, два раза... Залезай!

Капай – с точки зрения реалий российской глубинки – оказался местом самым обыденным и ничем непримечательным. Кривобокие засыпные домишки ненавязчиво чередовались с серыми строениями барачного типа и с почерневшими бревенчатыми хижинами. Впрочем, встречались и огромные уродливые коттеджи, сложенные из красного кирпича.

– Цыгане, ясен пень, строятся, – заметив интерес пассажира, охотно пояснил водитель. – Торговля наркотиками, как известно, приносит неплохие деньги. Впрочем, вон та трёхэтажная вилла принадлежит младшему сыну районного начальника милиции. Бывает. Наверное, обычное совпадение...

– Останови у магазина, – попросил Егор.

¹³ – Капай – неформальное название района частной застройки Петропавловска-Камчатского.

– У какого? Тут их два. Один называется – «Супермаркет» и торгует, в основном, дорогущими импортными товарами. Его посещают люди уважаемые и обеспеченные – бизнесмены, наркоторговцы, деловые, воры в законе, депутаты, зампреды, прочие чиновники... А второй магазинчик именуется непритязательно – «Лабаз». В нём отоваривается прочий местный народец. В смысле, подлое и бесправное быдло...

– Ко второму рули.

Разговорчивый шофёр не обманул, «Лабаз» оказался заведением бедным, скромным и слегка запущенным. Зайдя в магазин, Егор непроизвольно поморщился – явственно пахивало несвежей рыбой и подгнивающими овощами. Да и содержимое прилавков-стеллажей откровенно не впечатляло – различные крупы в бумажных и полиэтиленовых пакетах, консервы в стеклянных и жестяных банках, серые макароны, соль, чёрные «кирпичики» хлеба, бутылки с водкой и «Агдамом».

«Надо же, «Агдам»!», – дурашливо восхитился внутренний голос. – «Я был железобетонно уверен, что данный сорт дешёвого портвейна уже лет двадцать, как не выпускается. Может, это запасы, оставшиеся с тех самых славных Времён? Давай-ка, братец, купим бутылочку! Типа – вспомним удалую и беспутную молодость... Шутка, понятное дело. Не сердись, пожалуйста...».

Егор подошёл к пожилой продавщице, скучающей возле ободранного прилавка, и спросил:

– Не подскажете ли, добрая и любезная тётенька, где я могу найти Владимира Павлова по прозвищу – «Безухий»?

– Тамбовский пархатый волк тебе – «тётенька», – демонстративно глядя в сторону, вяло отреагировала продавщица. – Ходят тут всякие, а потом спички и хозяйственное мыло с полок пропадают...

Криво улыбнувшись, Егор – небрежным движением – бросил на прилавок сторублёвую купюру и вежливо повторил вопрос.

– Зайдёшь за магазин, увидишь кривой переулок. Пойдёшь по переулку, через пять минут упрёшься в тупик, – приветливо улыбулась тётка, ловко пряча денежку в карман когда-то белого халата, щедро покрытого разноцветными пятнами. – Там и увидишь Безухого. Он сейчас, надо думать, музицирует. То бишь, даёт концерт – по заявкам всякого сброда...

В тупичке, действительно, имел место быть концерт авторской песни. В качестве благодарных зрителей фигурировали трое оборванных подростков и парочка небритых бичей, разместившихся на стареньких деревянных ящиках. А на высокой двухсотлитровой бочке из-под солярки восседал, сжимая в ладонях скромную шестиструнную гитару, местный бард – благообразный босой господин в чеховском пенсне. Господин был облачён в рваные брезентовые штаны и засаленный ватник на голое тело, но, не смотря на это, смотрелся весьма достойно.

«Интеллигент до мозга костей, попавший – по воле коварного случая – на жизненное дно. А пенсне наш менестрель носит по весьма прозаичной причине – правое ухо, в полном соответствии с прозвищем, отсутствует напрочь, то бишь, как класс. Не за что цеплять правую дужку очков», – насмешливо прокомментировал внутренний голос. – «Что же, послушаем душевно-музыкальные откровения мистера Безухого...».

Господин в пенсне взял несколько вступительных аккордов и – приятным баритоном – запел:

Декабрь – постучал в моё окно.
Негромко так, как будто – невзначай.
А за окном – давно уже темно,
И только волки – воют – по ночам.

Ты заходи, мой зимний – пилигрим.
Всё ж, веселей, раз мы с тобой – вдвоём.
Ну, что, декабрь-братишка, помолчим?
А если выпьем, то тогда – споём...

Споём мы – об ушедших светлых днях,
О тех глазах, где тихий нежный свет...
И, вот, уже в заснеженных полях
Негаданно рождается – рассвет...

Кто там ещё – стучится к нам – в окно?
Бродяга-ветер, он – совсем продрог.
Ох, сколько нынче снега – намело!
Ты заходи, браток, через – порог...

И посидим так славно мы – втроём.
Потом спрошу я – у своих друзей:
– А не встречали, часом, вы – её?
Которая всех краше и – милей?

Которая смеётся – так светло,
И солнце – в волосах её – живёт...
А за окном – опять уже – темно.
И о невзгодах – нам – пурга поёт...

Куплет сменялся куплетом, гитара звенела – чарующе, волшебюно и очень печально.

«Какая славная песенка!», – растроганно подумал Егор. – «Мелодия красивая, и слова – щемлящие. Особенно, про «глаза, где тихий нежный свет», и про «солнце, живущие в женских волосах». Прямо – про мою Саньку... Только, вот, зачем так много лишних куплетов? Видимо, знаменитая фраза: – «Краткость – сестра таланта», этому конкретному обладателю чеховского пенсне неведома...».

Наконец, певец устало замолчал, последовал финальный гитарный проигрыш, благодарные зрители одобрителюно засвистели и восторженно заулюлюкали.

Егор, привлекая к себе внимание, громко откашлялся и сообщил:

– Гражданин Безухий, мне тут поручили – передать вам пламенный братский привет.

– Откуда это – привет? – ожидаемо насторожился камчатский менестрель. – Учитывая «гражданина», из мест – не столь отдалённых?

– С далёкого чукотского мыса Наварин. Вернее, с тамошнего шаманского кладбища.

– Вот, даже как... Придётся, уважаемая братва, перенести наш песенный концерт на более подходящее время...

– Не пойдёт! – жёстко заявил один из бичей – худенький мужчик в женском бордовом жакете. – «Агдам» пил? Пил! Теперь отработывай! Причём, без дураков и всякого свинства.

– Вот, плачу за портвейн, выпитый моим другом! – Егор положил на ближайший деревянный ящик, свободный от седоков, мятую сторублёвую бумажку. – Типа – выкупаю его долг.

– Маловато будет, водоплавающий! – нагло улыбаясь, заявил обладатель дамского жакета. – Маловато!

– Добавляю полтинник и все – вон! Ну, чего ждём, голодранцы жадные? Могу, ведь, и передумать...

Когда камчатские ценители авторской песни, радостно похохатывая, удалились по кривому переулку, Безухий, придерживая гитару, неуклюже слез с бочки и, слегка смущаясь, поблагодарил:

– Спасибо вам – за «друга»! Так меня уже много лет никто не называл. Представляете? Никто и – много лет.... Как себя чувствует уважаемый Афанасий Афанасьевич? Не болеет ли, часом?

– Здоровее многих молодых. Бегает по летней чукотской тундре – что тот северный олень-рогач во время весеннего гона. Сто двадцать километров в одну сторону, столько же – в другую. Без проблем и отдышки.

– Это очень хорошо. Просто замечательно.... Ребятам же вы напрасно дали так много денег. Хватило бы и пятидесяти рублей. А чем...э-э-э, я, как говорится, могу служить? То есть, помочь?

– Во-первых, мне нужен дельный паспорт. Такой, с которым можно – без малейших разногласий с доблестными правоохранительными органами – улететь в город Москву, – после короткой паузы ответил Егор. – Во-вторых, мне необходим Интернет. Вернее, полностью безлюдное помещение, где есть компьютер, подключенный к Интернету. Часа на два, на три...

– Попробую помочь, – потравив пенсне, пообещал Безухий. – С паспортом всё элементарно. Сейчас сходим на местный продовольственный рынок и выберем подходящий. Только, прошу, не надо рыночных ребятишек забрасывать деньгами. Не так, однако, могут понять – вплоть до проломленной головы и пошлого грабежа. Один паспорт стоит три тысячи рублей и ни копейки больше. Два паспорта – пять тысяч двести. Три – шесть тысяч девятьсот.

– На вашем продовольственном рынке имеется подпольная типография, оснащённая по последнему слову техники? – недоверчиво хмыкнул Егор. – Почему-то не верится...

– Зачем – типография? Паспорта оставляют в залог – под взятый товар. Например, «дикий» золотоискатель собирается немного прогуляться по местной тайге. Ему нужен ящик свиной тушёнки, а денег хватает только на десять банок. Вот, за остальные десять он и оставляет – для пущей гарантии – свой паспорт. То же самое касается рыбаков, охотников и прочих нищих авантюристов.

– Почему же их паспорта выставляют на продажу?

– Всё очень просто, – печально вздохнул Безухий. – Золотоискатели часто попадают под коварные камнепады и снежные лавины. Моряков злые волны регулярно смывают за борта кораблей. Охотников голодные медведи иногда разрывают на части. Обычное дело, если вдуматься. Со всяким может случиться.... Ну, двинули к рынку? По поводу Интернета я не забыл. Позвонить надо одному типу, может, и выгорит...

В просторном ангаре рынка воняло – мама не горюй. Причём, всем сразу: свежей кровью, рыбой «второй свежести», гнилым виноградом, прошлогодней картошкой, прокисшей сметаной...

«Чудесное и незабываемое местечко! Красотища райская!», – хмуро поведал мнительный внутренний голос. – «А физиономии здешних продавцов, вообще, навевают однозначные мысли-фантазии о хитрых оборотнях и безжалостных вурдалаках. С чего, интересно, они все такие злые и неприветливые? Может, засаленный и затрапезный ватник нашего провожатого тому виной? Как бы ни вытолкали – с шумным скандалом – взашей...».

Опасения голоса оказались напрасными. Безухий постучался – условным стуком – в дверную филёнку подсобного помещения, дверь приоткрылась, и звонкий девичий голос радостно известил:

– Володенька, мальчик мой ушастенький! Давненько ты не заглядывал, давненько. Я уже успела соскучиться.... Богатого клиента привёл? Молоток! Заходите, джентльмены! Не стесняйтесь...

Подсобка оказалась достаточно просторной – метров тридцать пять квадратных, с двумя стандартными письменными столами, креслами-стульями, сейфами и высокими пластиковыми стеллажами, плотно забитыми разномастными свёртками и коробками. Хозяйка же этого помещения оказалась настоящей красавицей.

«Платиновая коротко-стриженная блондиночка лет восемнадцати-девятнадцати», – со знанием дела причмокнул эротически-подкованный внутренний голос. – «Фигуристая такая, гибкая. Чёрная кожаная мини-юбка выгодно подчёркивает стройность длинных ножек. Девочка – блеск и полный отпад, короче говоря. А тёмно-зелёные глаза – с откровенной развратинкой... Может, стоит за ней качественно приударить? Как-никак, четыре полновесных года – без горячей женской ласки... Куда, извините, пойти? Понял, покорно умолкаю и ухожу...».

– Егор – это Мариночка. Мариночка – это Егор, – скороговоркой выпалил Безухий. – Ему, Маня, паспорт нужен. Типа – рабочий, для важного дела... Мариш, я позвоню?

– Звони, – девушка равнодушно махнула рукой в сторону пустующего стола и, с любопытством уставившись на Егора, задумчиво сообщила: – Знакомая у тебя физиономия, Егорушка. В смысле, для меня – знакомая. Мы раньше нигде не встречались?

– Не встречались, – браво заверил Егор. – Я бы непременно запомнил такую девушку, – на всякий случай уточнил: – Такую потрясающе-красивую девушку!

«Она же тебя, братец, чуть не узнала!», – забыв про нанесённую обиду, запаниковал внутренний голос. – «Ты же четыре года назад, если случайно запомнил, являлся яркой звездой мировой киноиндустрии. То есть, гибрида художественного фильма и классического реалити-шоу... Нет, так не пойдёт! Обязательно надо гримироваться... Если на заштатной Камчатке чуть не засыпался, то, что будет в Москве белокаменной? Публичность нам сегодня – совершенно ни к чему. Типа – острый ножик у незащитного горла... Пора и следы слегка позаметать. Попутать немного, попетлять...».

Марина, манерно прикурив длинную и тонкую сигарету, недоверчиво протянула:

– Ну-ну, конспиратор льстивый, – после чего достала из выдвижного ящика объёмную картонную коробку, и, поставив её на полированную поверхность стола, предложила: – Выбери, морячок!

Коробка была доверху заполнена российскими паспортами в разноцветных – новых и потрёпанных – обложках. Егор принялся заинтересованно изучать документы. Со стороны второго стола доносился приглушённый голос Безухого, обещавший кому-то небо в крупных алмазах и вечное блаженство...

– Выбираешь по подходящему возрасту и по плохо-приклеенным фотографиям? – понимающе хмыкнула девушка.

– Типа того.

– Предлагаю другой вариант, более продуктивный. Возьми вон тот паспорт. Ага, который в тёмно-зелёной обложке... Открой на первой странице и внимательно посмотри на фотку. Как оно тебе?

– Не очень. Хотя, определённо, есть что-то похожее...

– Подожди чуток, – Маришка поднялась со стула, игриво покачивая бёдрами, подошла к ближайшему стеллажу, чем-то там негромко прошуршала и, вернувшись через пару минут, протянула – на розовой ладошке – два светло-коричневых шарика.

– Что это? – недоверчиво прищурился Егор.

– Обёрточная импортная бумага, пропитанная пчелиным воском. Воск же, как известно, является отличным дезинфицирующим средством, а руки у меня чистые. Так что, вставляй – без всяких сомнений – шарики за щёки и подходи к зеркалу. Вон оно висит, за одёжным шкафом.

Егор тщательно выполнил девичьи указания, а, вернувшись к столу, признался, с трудом ворочая языком:

– Да..., так – гораздо лучше.... Ни один в один, но...сойдёт...

– Значит, берёшь?

– Беру, – Егор выложил на стол три тысячные купюры. – Паспорт на имя Сергея Сергеевича Костылева. Спасибо...

– Не за что. Если возникнет такая надобность, – многозначительно и призывно подмигнула, – то заходи на огонёк. Всегда буду рада.... Бумажные шарики-то вынь изо рта, недотёпа! А теперь положи в карман...

Когда они вышли на свежий воздух, Егор поинтересовался:

– А что у нас, Володенька, с Интернетом – в приватной обстановке?

– Семьсот рублей, – Безухий был краток.

– Держи, друг. Что дальше?

– Записывай адрес...

– Я запомню.

– Улица Океанская, дом одиннадцать, квартира семнадцать. Ключ будет лежать под ковриком, возле квартирной двери. Когда будешь уходить, то не забудь, пожалуйста, положить его на прежнее место.

– А что у нас с хозяином квартиры? – уточнил Егор. – Не заявится, ненароком? Бузу не учинит?

– Петюня – законченный наркоман, и в данной квартире проживает в гордом одиночестве. Сейчас он уже в дороге, сюда следует. То бишь, ко мне, за деньгами. На шестьсот рублей Петя на пару суток зависнет в местных притонах-шалманах. Стольник мне – за труды праведные.... Контору, где продают самолётные билеты, найдёшь в центре. Серый пятиэтажный дом, рядом с Камчатским театром драмы и комедии.... Ну, расходимся краями? Типа – как в зелёном тропическом море – белоснежные туристические лайнеры? Бывай, друг-Егор! Удачи тебе!

Он поймал машину – на этот раз – древнюю японскую малолитражку. И, усаживаясь на пассажирское сиденье, велел:

– Изобрази-ка, приятель, кружок минут пятнадцать-двадцать и вернись к этому рынку. Только припаркуйся с противоположной стороны.

– Зачем это? – непонимающе замялся водитель – совсем ещё молоденький парнишка. – Странно как-то...

– Два столтника плачу.

– Без проблем, босс! – заводя мотор, заверил парнишка. – Сделаем – в лучшем виде! Следы путаешь, дядя? Наверное, задумал кого-то порешить.... Да, не напрягайся ты! Шутка такая, камчатская насквозь...

Глава шестая

Лис, заметающий следы, и Интернет-новости

Покидая машину, Егор лукаво подмигнул водителю:

– Ну, пацан, хочешь ещё заработать?

– Дык, конечно, босс. Без вопросов.

– Тогда дожидайся здесь. Я быстро. Рюкзак мой забрось в багажник. Там ничего ценного и взрывоопасного нет, можешь – если очень захочешь – убедиться в этом...

Он, бдитительно поглядывая по сторонам, прошёл внутрь рыночного ангара и постучал – условным стуком – в знакомую дверную филёнку.

– Кто там? – недовольно поинтересовался хрустальный голосок. – Я никого не жду. Чего надо-то?

– Морячок давешний беспокоит.

Через мгновение дверь приоткрылась.

– Проходи, симпатяга! – победно улыбнулась Маришка. – Я знала, что ты непременно вернёшься.

Егор направился к письменному столу. Щёлкнув дверным замком, подошла Мариночка, уселась, игриво закинув одну стройную ножку на другую, на офисный стульчик и уверенно констатировала:

– Значит, Егорушка, надумал. То бишь, решил-таки покувыркаться с симпатичной девушкой. А девушка-то – совсем и не против...

– Да, давненько я не кувыркался с женским полом, – тяжело вздохнув, признался Егор. – Чёрт знает сколько. Но... Как говорится, труба зовёт, и верный конь, азартно пофыркивая, нетерпеливо перебирает копытами. Пора в дальнюю дорогу. Не обижайся, Мариша...

– Зачем же ты, деловой такой, заявился?

– Ещё один паспорт требуется.

– Выбери! – девушка, надувшись, выставила на стол пухлую картонную коробку. – Тоже мне – ухажёр нашёлся! Ходячая насмешка в бушлате!

Егор покаянно передёрнул плечами:

– Так, вот, получилось. Не всегда, отнюдь, мы вольны – управлять своими желаниями... Этот, пожалуй, беру.

– Дай-ка посмотреть. Чёрная окладистая борода, длинные сальные волосы. Сулуквадзе Заур Петрович. Да, уж, закавыка... Непрост ты, морячок залётный. Ох, непрост! Впрочем, твои дела, о которых я знать не знаю, да и знать не хочу...

– Вот, три тысячи за паспорт. Ещё десять – за конфиденциальность. То бишь, за молчание.

– Договорились, – печально усмехнулась Маришка. – Я – кладбищенская могила. И под жестокими пытками не проговорюсь. В смысле, может быть, не проговорюсь... Если появишься в наших краях, то заглядывай на вечерний огонёк. Буду ждать...

Егор уселся в японскую малолитражку и, аккуратно захлопнув дверцу, закурил.

– Быстро, босс, вы управились! – одобрил молоденький шофёр. – Меня, кстати, Васяткой кличут. То есть, знакомые девушки так величают. А, вообще-то, я – Василий Иванович. Как Чапаев, легендарный и бесстрашный герой Гражданской войны... Куда едем?

– К одёжно-обувному магазину. К самому лучшему – в вашей обхезанной деревушке. Трогай, родимый! Впрочем, подожди... Для начала подскочим к Камчатскому театру драмы и комедии.

– Назвать столицу Камчатки – засранной деревней? – крутя баранку, обиженно бормотал Васятка. – Непростой вы человек, босс. Сразу видно, что нездешний и ужасно-авторитетный... А зачем вам, если не секрет, сдался этот театр? У них сейчас спектакли – лишь по субботам и воскресеньям. Это уже зимой добавятся вторники и четверги. В Петропавловске, если вы интересуетесь культурной жизнью, ещё есть кукольный театр, филармония, хоровая капелла и приличный краеведческий музей... Так – зачем?

– Значит, надо. Подъезжай к заднему входу.

– Не пустят. Ах, да! У вас же денег – невпроворот. Пустят, конечно же. Никуда не денутся...

Предварительно он, заложив за щеки бумажные вощёные шарики, сходил в авиокассу и купил билет на утренний рейс до Москвы – на имя-фамилию Костылев С.С... После чего вернулся к театральным тылам.

Охранник, дежуривший на запасном входе, рассмотрев номинал предложенной купюры, даже рта открывать не стал, а по-простому распахнул двухстворчатую дверь, поклонившись при этом чуть ли не до земли. То бишь, до пола, покрытого тёмно-коричневой керамической плиткой.

Дальше всё было просто и элементарно, то есть, согласно ёмкому и мудрому философскому постулату, мол: – «Деньги – открывают любые двери. Более того, они, большие деньги, действительно, помогают эффективно разрешать все возникшие проблемы и коллизии...».

Он очень быстро вошёл в контакт с ведущими камчатским актёрами, актрисами, режиссерами и обслуживающим персоналом. Дежурные комплименты, вежливые ухмылки, сальные шуточки, аппетитный хруст цветных бумажек, изображающих из себя эквивалент товарно-денежных отношений...

Как бы там ни было, но уже примерно через двадцать минут в распоряжении Егора находились два увесистых полиэтиленовых пакета, забитых под самую завязку разнообразными париками, накладками, тенями, тушами и прочим театральным реквизитом.

– Теперь, Василий Иванович, рули к одёжному магазину! – добродушно велел Егор. – Пришло время прислушаться к модным тенденциям, властвующим в этом изменчивом и непостоянном мире...

Когда Егор, уже после посещения означенного магазина, подошёл к машине, стало понятно, что его авторитет – в глазах юного водителя – возрос многократно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.